

В. И. ДАЛЬ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья Г. Г. Шаповаловой

Комментарии Н. П. Колпаковой и Г. Г. Шаповаловой

В предисловии к изданию «Русских народных песен...» Киреевский, перечисляя тех, кто предоставлял ему материал для его труда, указал: «В. И. Даль — собрание песен уральских»¹. О том, что Даль передал свои записи народных песен для Собрания Киреевского, упомянуто и Бессоновым в предисловии к выпуску 8 «Песен, собранных П. В. Киреевским»: «Из собрания собственно Киреевского на весь выпуск приходится только 53 номера. Нам помогло несколько вкладов последующего времени: пополнения от В. И. Даля, С. М. Любецкого...»²

Наконец и сам Даль писал об этом в «Напутном» к «Пословицам русского народа»: «Песни, коих у меня было впрочем немного, отослал я покойному П. В. Киреевскому; сказки стоп до шести, в том числе и много всякого вздору, А. Н. Афанасьеву; а на свою долю оставил одно: запасы для русского словаря»³.

Диалектолог, лингвист, этнограф и фольклорист, Даль все силы отдал изучению быта и языка русского народа, собиранию его поэтического творчества — фольклора. «Всю жизнь свою я искал случая, — писал он, — поездить по Руси, знакомиться с бытом народа, почитая народ за ядро и корень, высшее сословие за цвет или плесень <...> Я не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение своих запасов»⁴. Интерес Даля к фольклору возник и развивался в пору борьбы философских и литературных течений второй трети XIX в. Воспитанные в традициях декабристской идеологии, представители оппозиционных направлений искали в фольклоре подтверждения сил, волюнтолюбия, свободомыслия русского народа. С другой стороны, представители официальной народности и славянофильства пытались на материале фольклора обосновать реакционное представление об особом «духе русской народности». Для этих целей подхватывались и идеализировались как раз те стороны жизни и творчества крестьянских масс, которые являлись следствием многовековой «бытовой приниженности»⁵ крестьянства, его отсталости, косности и патриархальности»⁶. Отношение Даля к этим противостоящим друг другу направлениям фольклористических интересов в русской общественной мысли было сложно-противоречивым. Если Даль в своих теоретических работах стоял несомненно на консервативных позициях, придерживался реакционных взглядов, воспитанных в нем семьей и средой, в которой он рос, а также привитых ему в морском корпусе, то Даль как общественный деятель, этнограф, писатель, фольклорист, друг Пушкина и В. Ф. Одоевского — человек либерального направления»⁶. Тут следует учитывать и его участие в подготовке проекта реформы отмены крепостного права, и соавторство в «Сельском чтении», и участие в Обществе посещения бедных. Не нужно забывать и того, что за «Сказки» Даль был подвергнут аресту, а «Пословицы русского народа» были осуждены цензурой и в течение десяти лет не могли выйти в свет.

Для характеристики Даля-фольклориста необходимо в первую очередь подчеркнуть, что он собирал весь материал, какой ему приходилось встречать, слышать, записывать, принимать от своих корреспондентов, руководствуясь лишь критерием подлинности. В этом его огромная заслуга. Несмотря на то, что Даль воспринимал русского мужика как искренно религиозного и верноподданного, научная честность

В. И. ДАЛЬ

Рисунок неизвестного художника (итальянский карандаш), 1830-е годы
Литературный музей, Москва

не позволяла ему ни прибегать к тенденциозному отбору материалов, ни, тем более, фальсифицировать их. Благодаря этой педантичной честности собирателя-фольклориста-этнографа Даля, мы сейчас располагаем неоценимым богатством — высокохудожественным материалом, отразившим подлинные мысли и чаяния русского народа во всем их многообразии.

Как вспоминает сам Даль, первая запись его относится к 1819 г., когда, по окончании Морского корпуса, он уехал из Петербурга к месту своего назначения в Николаев. По дороге он беседовал с крестьянами, ямщиками, и его поразила разница между тем русским языком, каким разговаривали в Морском корпусе, и тем языком, каким говорил простой народ. Когда везший его ямщик, чтобы как-то ободрить до костей промерзшего молодого мичмана, посмотрев на небо, сказал с надеждой: «Замолаживает!», и на вопрос Даля объяснил значение этого слова, в записной книжке будущего составителя «Толкового русского словаря» появилась первая запись: «Замолаживать — иначе пасмурнеть, — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучами, говоря о небе, клониться к ненастью»⁷.

Уже через несколько лет записи отдельных слов, оборотов речи, пословиц, поговорок, рассказов, песен занимали несколько объемистых тетрадей, исписанных бисерным почерком Даля. Улавливать на слух и записывать все художественно ценное, своеобразное, оригинальное, что давала речь простого русского народа, стало всепоглощающей страстью Даля.

В турецком походе 1829—1830 гг., в котором Даль, досрочно окончив медицинский факультет Дерптского университета, принимал участие как военный врач, тюки с его записями возил вьючный верблюд. «Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставляла мне обильные запасы для изучения языка...», — писал Даль ⁸. У Даля — диалектолога и фольклориста — вырабатывается свой метод собирания материала. «Нигде это не было так удобно, — говаривал он, — как в походах. Бывало на дневке где-нибудь соберешь вокруг себя солдат из разных мест, да и начнешь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовется, как в другой, в третьей; заглянешь в книжку, а там уже целая вереница областных наречий» ⁹.

Эту огромную собирательскую работу Даль не прерывал до конца жизни. Различные обстоятельства, заставлявшие его неоднократно изменять место и характер работы, способствовали географически областному разнообразию и широте его фольклорно-лингвистических записей.

Так, находясь в Оренбурге (1833—1841), куда пригласил его на службу в качестве секретаря генерал-губернатор Оренбурга В. А. Перовский, Даль, обследуя положение в Уральском казачьем войске, много ездит по Уралу, не прекращая пристального изучения края, отмечая для себя его этнографические особенности, записывая фольклор. Когда в Оренбург приехал Пушкин (1833 г.), для того, чтобы собирать на месте материал для «Истории Пугачева», Даль уже мог предложить ему краеведческую помощь в этой работе ¹⁰.

Даже в Петербурге (1841—1848), служа по удельному ведомству у министра внутренних дел Л. А. Перовского, Даль активно пополнял свой рабочий архив ¹¹. Было широко известно, что вне служебного кабинета Даль никаких разговоров служебного порядка не вел (по вопросам получения места, награды и т. п.). «Двери его квартиры на четвертом этаже дома за Александринским театром были наглухо закрыты для посетителей, независимо от состояния и родовитости. Зато всякий знатный ли, незнатный ли, всякий совершенно даже безвестный человек, если приносил казаку Луганскому несколько областных слов или несколько пословиц или поговорок, с самым теплым участием был принимаем в его семействе. Но ему там и заикнуться не давали о службе или делах» ¹². В этой же квартире на одном из четвергов, когда у Даля обычно собирались литераторы, ученые, музыканты, люди мысли, слова и искусства, «зародилась и выработалась мысль об учреждении Русского географического общества».

В 1845 г. Л. А. Перовский получил разрешение на учреждение этого Общества. Имя Даля числится среди его членов-учредителей. В архив Общества Даль передал и большое количество фольклорных материалов, присланных и переданных ему его корреспондентами ¹³.

Не оставлял Даль своей собирательской деятельности и в Нижнем-Новгороде, где он служил (1849—1859) в должности управляющего местной удельной конторой. Служебная работа на этом посту была связана с постоянными разъездами по губернии, что помогло Дालю собирать разнообразный этнографический материал ¹⁴. В Нижнем-Новгороде Даль начинает классифицировать свои несметные сокровища записей и приступает к составлению сборника пословиц и «Толкового словаря».

Еще в Дерпте, где Даль учился на медицинском факультете университета, он знакомится с Жуковским ¹⁵. Через Жуковского Даль сближается с Языковым, Дельвигом, Крыловым, В. Ф. Одоевским, братьями Перовскими, Пушкиным. Это окружение сыграло большую роль в формировании философских взглядов Даля и отразилось на занятиях литературой.

Датчанин по происхождению, русский по воспитанию, Даль мыслями и душой был истинно русским человеком. Вспоминая о своей поездке в Копенгаген, которую совершил еще будучи гардемарин Морского корпуса, он рассказывал: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков, мое отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отечеством моих предков...» ¹⁶. И это ярко проявилось в устремлениях и интересах Даля. Его неспясаемая любовь к народному быту и языку глубоко импонирует Пушкину, который сам пристально

наблюдал жизнь народа, записывал отдельные народные слова, песни, сказки, использовал их в своих произведениях. Пушкин деятельно ободрял Даля в намерении собрать словарь живого народного русского языка, «перечитывал вместе с ним его сборник и пополнял своими сообщениями»¹⁷.

В 1832 г. Даль издает свои «Русские сказки из предания изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приноровленные и поговорками ходячими украшенные казаком Луганским. Пяток первый». Пушкин восторженно приветствует эту книжку и вскоре дарит Далю «Сказку о золотом петушке» с надписью: «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому сказочник Александр Пушкин». Духовная близость между Далем и Пушкиным, возникшая на почве литературных интересов, переходит в дружбу.

В трагические для России дни 27—29 января 1837 г. приехавший из Оренбурга в Петербург Даль неотлучно находился у постели Пушкина, принял его последний вздох. Умиравший поэт подарил ему и свой талисман — перстень с изумрудом и завещал «выползину» — как он называл свой сюртук, в котором был ранен.

Если для Пушкина мир сказочной фантастики и народной поэзии открыла Арина Родионовна, то и Далю на всю жизнь привила любовь к фольклору нянька Соломонида¹⁸.

Все беллетристические произведения Даля проникнуты глубоким знанием этнографии и фольклора, быта русского народа, народного языка, пословицами и поговорками. Это внимательное проникновение в народный быт дало себя знать уже в первом произведении Даля, напечатанном в «Московском телеграфе», повести «Цыганка»¹⁹. Вслед за сказками Даль публикует ряд повестей из русского быта: «Бедовик», «Колбасники и бородачи», «Павел Алексеевич Игривый»²⁰.

Живя в Оренбурге и изучив быт киргизов и уральских казаков, Даль пишет рассказы: «Бакей и Мауляна», «Майна», «Башкирская русалка», восточную сказку «Бараны». Далее эта традиция писать повести и рассказы на подлинном этнографическом материале проявилась и в ряде других рассказов и повестей — «Болгарка», «Подольянка», «Уральский казак». Различные фольклорные жанры Даль использует в своих беллетристических произведениях по-разному. Он, например, пересказывает содержание известных народных сказок, сохраняя их поэтическую и языковую форму. Сам Даль (говоря о себе, как о писателе, в третьем лице) пояснил: «Не сказки по себе были ему важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода, — и сказка послужила предлогом».

Писатель задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком, с говором, которому открывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке»²¹. К сказочным сюжетам и образам Даль обращается и тогда, когда, по настоянию Пушкина, пишет пьесу, «старую бывальщину в лицах», — «Ночь на распутии, или Утро вечера мудренее». В этой пьесе соответственно ее фантастическому содержанию действовали Домовой, Оборотень, Леший, Водяной, Русалки и другие сказочные персонажи. Даль рассказывал, что Глинка не раз ему говорил, «что после „Руслана и Людмилы“ он непременно примется за „Ночь на распутии“». И какое бы в самом деле прекрасное либретто для русской оперы можно было сделать из этой „старой бывальщины“»²².

Песни Даль использует в рассказе «Где потеряешь — не чаешь, где найдешь — не знаешь»²³. Он поставил перед собой задачу показать красоту, искренность русской народной песни, ее глубокую эмоциональность, силу исключительного эстетического воздействия подлинной народной песни на слушателей. Чтобы подчеркнуть эту задачу рассказа, он дал ему подзаголовок — «Ключ, лад и строй песни». Речь в рассказе идет о том, как проезжий барин останавливается в одной из деревень, где все население по случаю праздника «гуляло под релями» (качелями). В одном из кружков затянули песню. «Заправлял» песельниками старик. Указав на группу певцов и певич, старик заметил, что «из этой семьи уже не один малый попал в придворные певчие». На просьбу барина спеть старинную песню, «старик затянул, а прочие строго приставали, подхватывали и выносили...» Они спели две песни: 1) Братья берут в полон мо-

ряночку, оказавшуюся их сестрой, — «Как во городе, в царе-Киеве, тут жила была молодца вдова...»; 2) Мать попадает в татарский плен и качает внука — «Как за той-то, за той-то за Дарьей рекой». В сноске Даль приводит пояснение: «Обе песни эти списаны со слов как они поются в народе в Оренбургской губернии». Там же приводится и еще одна песня: «Не сизы туманы из-за гор-горы поднимались»²⁴.

Называя себя «проезжим», Даль в конце еще раз подчеркивает, как очевиден, огромную роль эстетического воздействия песни на слушателей.

В рассказе «Отставной» Даль описывает свадебные причеты²⁵. В повести «Павел Алексеевич Игривый» он дает реалистическую картину рассказывания сказки²⁶.

Пословицы, поговорки, идиоматические выражения обильно уснащают речь героев из простонародья во всех беллетристических произведениях Даля. Использует Даль пословицы и в качестве заглавий («В поле съезжаются — родом не считаются», «Где потеряешь — не чаешь, где найдешь — не знаешь») и в качестве эпитафий.

Особые подборки загадок и пословиц приводятся Далем в специальных книжках для солдатского и матросского чтения — «Солдатские досуги» (1834) и «Матросские досуги» (1851).

Белинский высоко оценивает этот своеобразный литературный «почерк» Даля. Великолепное знание этнографии, фольклора, быта — это было как раз то, что соответствовало требованиям «натуральной школы»: «...из всех наших писателей, не исключая и Гоголя, он особенное внимание обращает на простой народ, и видно, что он долго и с участием изучал его, знает его быт до малейших подробностей, знает, чем владимирский крестьянин отличается от тверского, и в отношении к оттенкам нравов и в отношении к способам жизни и промыслам»²⁷. Принимая тезис об историческом значении фольклора, об органической связи жизни народа с его фольклором, Белинский понимал и то значение, какое придавало художественному произведению умелое использование в нем фольклора, а Даль этим методом владел в совершенстве. Белинский писал: «После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе»²⁸. Именно поэтому он призывал издать собрание сочинений Даля, наряду с сочинениями Пушкина и Гоголя: «...думаем, что тот затеял бы хорошее дело, кто собрал бы в одну книгу все повести, донныне изданные особо или рассеянные по журналам: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, князя Одоевского, графа Соллогуба, Даля, Павлова...»²⁹.

В 1861 г. издано первое «Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского)» в двенадцати томах, куда вошли все его беллетристические произведения. Но основными трудами его жизни, прошедшими испытание временем и являющимися и сейчас настольными книгами, базой для работы лингвистов и фольклористов, все же оказались «Толковый словарь живого великорусского языка» (1861—1868) и «Пословицы русского народа» (1862). Для этих двух монументальных трудов Даль накапливал материал в течение всей своей долгой жизни.

В октябре (28-го) 1859 г. Даль переселяется в Москву «...с целью опознаться наконец на досуге с громадным запасом накопленных в течение целой жизни заметок и приступить к их обнародованию»³⁰. Он отдает записи песен, сказок и других фольклорных жанров заинтересованным лицам, а себе оставляет лишь все, относящееся к словарю и сборнику пословиц.

К сожалению его личный архив до нас почти не дошел. Есть сведения, что два сундука с рукописями Даля бережно хранились его дочерьми в Нижнем-Новгороде, но сгорели во время пожара. В надежде, что хоть что-либо удастся найти, Горький писал в редакцию «Литературного наследства» (в 1931 или 1932 году), что необходимо «обследовать нижегородский литературный музей, где возможны документы Даля, Боборыкина, Добролюбова»³¹. Но эти поиски не увенчались успехом. Как теперь мы можем себе представить, бумаги Даля оказались рассредоточенными по различным архивохранилищам: Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), Географическое общество СССР, Центральный государственный исторический архив. Наибольшее же количество именно фольклорных материалов Даля хранится в Рукописном отделе Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина и в Гос. Историческом музее. Это материалы, входящие в основном в состав Собрания Киреевского.

Во всем издании «Песен, собранных П. В. Киреевским», включая «Новую серию», опубликовано лишь 150 песен различных жанров, имеющих отношение к Далю. Главным образом это записи из тетради «Уральские песни» (ЛБ, ф. 125, п. 53, лл. 21—31). Эта тетрадь титульного листа не имеет, почерк не Даля. На первом листе надпись: «Песни», а сверху рукою Киреевского приписано: «уральские». Как утверждает Бессонов, эта тетрадь была передана Далем. С указанием имени Даля в Собрание включены былины (10 №), исторические песни (43 №), песни свадебные (51 №), хороводные и плясовые (16 №), лирические (10 №). Помимо личных записей Даля опубликованы записи, сделанные его корреспондентами, наиболее активными из которых были А. Харитонов, Портов, Г. Борисов.

П. Д. Ухов, открывший новые материалы из Собрания Киреевского, излагал свои наблюдения над вкладом Даля в это Собрание следующим образом: в «Песнях, собранных П. В. Киреевским» с именем Даля напечатано довольно много текстов: «Убиение паревича Дмитрия» (VII, 1, в разнотч.); «Смерть Алексея Михайловича» (VII, 45); «Казнь стрельцов» (VIII, 24); «Петр I и драгун» (VIII, 37); «Казачи под Азовом» (VIII, 77); «Казак перед царем» (VIII, 100 и VIII, 103); «Евдокия Лопухина» (VIII, 107); «Сборы Шведские» (VIII, 116); «Шереметев» (VIII, 123 и VIII, 123—124); «Смерть Петра I» (VIII, 274); «Плач царицы о Петре I» (VIII, 278); «Плач войска о Петре I» (VIII, 281 и 292); «Князь Гагарин» (VIII, 298); «Шведская война» (IX, 82 и IX, 87); «Красношеков» (IX, 150, IX, 153, IX, 172); «Долгоруков» (IX, 221); «Милиция в войске Яицком» (IX, 244); «Пугачев» (IX, 247); «Очаков» (IX, 256); «Платов» (X, 50); «Копейкин» (X, 107); «Аракчеев» (X, 209) <...> Под текстами песен, взятыми из этой тетради, в «Песнях, собранных П. В. Киреевским» обычно сделаны пометы: «Прислано В. И. Далем», «Сообщено В. И. Далем», «От В. И. Даля», «Доставлено В. И. Далем». Лишь в двух случаях (VIII, 107 и X, 209) указано: «Записано и доставлено В. И. Далем». Причем при тексте «Плач царицы» (VIII, 107) Бессонов указывает: «Записано и доставлено нам В. И. Далем в 1861 году». Действительно, этого текста в составе «Уральских песен» нет. Характерно, что и в описи Якушкина фамилия В. И. Даля как собирателя песен нигде не значится (он фигурирует обычно как лицо, доставившее чужие записи). Те тексты, которые напечатаны с его именем, в описи обозначены индексом-паспортом «132-Б», что означает «Уральские» (без фамилии собирателя).

Однако издатели «Новой серии» «Песен, собранных П. В. Киреевским», перепечатав всю тетрадь «Уральских песен», из которых все тексты, кроме трех, уже были напечатаны в первом собрании песен Киреевского (так называемой «Старой серии»), решительно заявили: «Песни 2520—2530^а записаны и доставлены В. И. Далем». Документа, на основании которого сделано столь решительное утверждение, не обнаружено.

Приходится признать, что тетрадь «Уральские песни» исходила от В. И. Даля, поскольку П. А. Бессонов, числивший ее за ним, мог подтвердить достоверность сведений о ней у самого Даля при его жизни. Но доверяться показанием Бессонова следует, как известно, с осторожностью: в паспортизации материала он был крайне безответствен, многие из перечисленных выше текстов зачислены Бессоновым за Далем, хотя они ему вовсе не принадлежат. Перечислим эти тексты, отсутствующие в тетради «Уральских песен»: 1. «Казачи под Азовом» (VIII, 77). Она встречается в списке песен Языковых, и на основании этого списка (см. «Приложение № 3») можно заключить, что она записана А. М. Языковым в с. Дубровки Мензелинского уезда. 2. «Сборы шведские» (VIII, 116). Записана в с. Репьевке, Сызранского уезда, возможно П. М. Бестужевой. 3. «Восстание стрельцов» (VIII, 21). Записана в с. Репьевке, должно быть, П. М. Бестужевой. 4. «Шведская война» (IX, 82). Записана в с. Новоселки, Уфимского уезда. 5. «Шведская война» (IX, 87). Записана в с. Языково, Симбирского уезда, очевидно, самим Н. М. Языковым. 6. «Долгоруков» (IX, 221). Записана в с. Репьевке, Сызранского уезда. Очевидно, П. М. Бестужевой. 7. «Очаков» (IX, 256). Записана в с. Новоселки Оренбургской губ. 8. «Платов» (X, 50). Записана в д. Языково, Симбирского уезда, вероятно самим Н. М. Языковым. 9. «Копейкин» (X, 107). Записана, очевидно, Н. М. Языковым в с. Языково.

В. И. ДАЛЬ В ХИВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В. А. ПЕРОВСКОГО

Акварель В. И. Штернберга, 1839—1840 годы

Слева направо: татарский мулла, географ П. Чихачев, В. И. Даль, художник В. И. Штернберг, этнограф Н. В. Ханьков, географ А. Леман, киргиз Курум-бай

Карандашные надписи на паспорту позднего происхождения

Литературный музей, Москва

Следующие из приписываемых В. И. Далю тексты — „Шереметьев“ (VIII, 123 и VIII, 124); „Смерть Петра I“ (VIII, 274); „Плач войска по Петре I“ (VIII, 278, VIII, 281, VIII, 292, VIII, 298); „Краснощеков“ (IX, 150, IX, 161, IX, 172) и „Аракчеев“ (X, 209) — также в тетрадь „Уральских песен“ не входят; никаких документов, устанавливающих их принадлежность тому или иному собирателю, не найдено; поэтому сказать определенно, принадлежат они Далю или нет, нельзя (рукопись П. Д. Ухова).

Но еще больший материал остался неопубликованным и до сих пор скрыт в архивах от читателей. Так, в части архива Киреевского, хранящегося в Историческом музее (ф. 56), находится толстая сшитая тетрадь, формат в $\frac{1}{2}$ листа, исписанная крупным почерком (не Далю). Титульного листа у тетради нет, но на первом месте сверху написано: «Свадебные обряды в горных заводах <Урала>» (верхний правый угол листа оторван, поэтому слово «Урала» вставлено нами по догадке на основании содержания рукописи). Здесь же рукою Бессонова — «От В. И. Далю». В рукописи описывается свадебный обряд рабочих демидовских заводов с приложением большого количества свадебных песен и причитаний. Собирающее творчество рабочих началось у нас довольно поздно; поэтому рукопись имеет особый интерес как одна из первых записей рабочего быта и фольклора в России.

«Свадебный обряд описан тут подробно и обстоятельно, — пишет работавший над этими материалами П. Д. Ухов. — Особенно ценны своеобразные фольклорные тексты. Причитания традиционны по содержанию и поэтике, но представляют собой полноцен-

ные произведения устной народной поэзии. Что же касается песен, то среди них имеется материал разнообразный: одна часть представляет собой варианты известных общерусских лирических и величальных песен свадебного цикла; другая — тексты, в которых традиционные фольклорные свадебные образы следуют друг за другом в необычных сочетаниях и этим создают редкие, малоизвестные (или совсем неизвестные в печати) образцы свадебной народной поэзии, в ряде случаев очень интересные для исследователя своим своеобразием» (рукопись). Это чрезвычайно интересное описание свадебного обряда на горных заводах Урала и предлагается ниже вниманию читателя.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Чтения», стр. V.

² СС, в. 8, стр. XXII.

³ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., Гослитиздат, 1957, стр. 30. — В дальнейшем: Даль. Пословицы.

⁴ А. Н. Пыпин. История русской этнографии. СПб., 1890, т. I, стр. 343—349.

⁵ А. П. Скафтымов. Н. А. Добролюбов о фольклоре. — «Лит. критик», 1936, № 2, стр. 97.

⁶ См. В. И. Чичеров. Сборник Владимира Даля «Пословицы русского народа». — Предисловие в кн.: «Пословицы русского народа. Сборник В. Даля». М., 1957, стр. VI—VIII; «История русской литературы», т. VII. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 544—571 («Проза сороковых годов»).

⁷ П. И. Мельников. Владимир Иванович Даль. Критико-биографический очерк. — Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского), т. I. СПб. — М., 1897, стр. XVII (в дальнейшем: Мельников).

⁸ Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Часть первая. Напутное слово. М., 1863, стр. III.

⁹ Мельников, стр. XX.

¹⁰ См. об этом подробнее комментарий к «Песне пугачевского цикла» (стр. 504—502).

¹¹ Однако собирательская деятельность Даля не ограничилась лишь фольклорным и лингвистическим материалом. Немногие из наших изыскателей обладали таким огромным запасом сведений о русском быте, как Даль. У него, между прочим, было едва ли не единственное по своему обилию собрание лубочных картинок...» (А. В. Никитенко. Отчеты имп. Академии наук по Отделению русского языка и литературы за 1866—1891 гг. СПб., 1903, стр. 179). — В настоящее время это собрание Даля находится в ГПБ.

¹² Мельников, стр. LV.

¹³ Там же, стр. LV—LVI.

¹⁴ С. Булич. Даль. — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. X, кн. 19. СПб., 1893, стр. 47.

¹⁵ Жуковский жил в Дерпте у А. А. и А. Ф. Воейковых.

¹⁶ Мельников, стр. XV—XVI.

¹⁷ П. И. Бартенева. В. И. Даль. — «Русский архив», 1872, № 10, стб. 2026. — О взаимоотношениях Пушкина и Даля — см. комментарий М. А. Цявловского в РП, стр. 725—726.

¹⁸ Е. Даль. Владимир Иванович Даль. (По воспоминаниям дочери). — «Русский вестник», 1879, июль, стр. 86. — Даль, как пишет его дочь, рассказывая о своей первой поездке в Данию и Швецию, вспоминал, что каменные скалы берегов Балтийского моря представлялись ему чем-то необыкновенным, и ему казалось, что «нянька Соломонида (от которой он бывало слушал столько сказок) унесла его в сказочный мир и, показав ему все волшебство этого мира, снова грубо кинула на землю».

¹⁹ «Московский телеграф», 1830, № 21, стр. 36—57; № 22, стр. 165—185.

²⁰ «Отечественные записки», 1839, т. III и др.

²¹ «Москвитянин», 1842, кн. 1, стр. 549—550.

²² Мельников, стр. XLVII.

²³ В. И. Даль. Полн. собр. соч., т. I, стр. 180—208.

²⁴ Там же, стр. 201.

²⁵ Там же, стр. 315—323.

²⁶ Там же, стр. 5.

²⁷ Белинский, т. X, стр. 260.

²⁸ Белинский, т. IX, стр. 399.

²⁹ Белинский, т. V, стр. 158.

³⁰ П. И. Бартенева. Указ. статья, стб. 2030.

³¹ М. Горький. Письма о литературе. М., «Сов. писатель», 1957, стр. 429.

〈ПЕСНЯ ПУГАЧЕВСКОГО ЦИКЛА〉

Яицки казаки-бунтовщики,
 Дураки же большая была их часть,
 Задумала в один час —
 Генерала они убили.
 В том их немало судили,
 Государыня их простила,
 Жить по-прежнему пустила.
 Они, сердце разъяря,
 Пошли искать себе царя.
 10 Они полгода страдали,
 Всё царя себе искали.
 Нашли себе царя —
 Донского казака
 Емельяна Пугача.
 Ко Гурьеву он подходил,
 Ничего не ученил,
 От Гурьева воротился,
 Он тут силою скопился,
 К Яику подходил,
 20 Он из пушечек палил.
 Илекские казаки —
 Изменщики-дураки,
 Без боя они и без драки передались...
 В Илеце побывал,

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ
 Гравюра Ш. Л. Руотта, 1784
 Исторический музей, Москва

Артиллерию забрал,
 Рассыпную разбивал.
 Из крепости Озерной
 На помощь Рассыпной
 Того месяца сентября
 30 21 числа
 В 1771 году
 В Оренбурге-городу
 Тогда приходили к нам новы вести,
 Не бывать-то нам на месте.
 Енерал-полковник сам
 На коня он садился,
 Он по полкам разъезжал,
 Всем драгунам подтверждал:
 — Господа драгуны,
 40 Вы стреляйте не робейте,
 Свинцу-пороху не жалеите,
 Мы злодея изгубим,
 Похвалу себе получим!
 Емельян помолчал,
 Громким голосом вскричал:
 — Сказать тебе, боярин,
 Что ты храбро поступил!
 Закачались круты горы,
 Затряслась мать-сыра земля,
 50 Побежала рыба в глуби,
 И в лесе птица из гнезда.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ В ГОРНЫХ ЗАВОДАХ <УРАЛА>*

Ныне при свадьбах исполня(ется)* небольшая часть тех старинных обрядов, признаки коих сохраняются в преданиях и в свадебном вытье. Да и самые обряды эти, сохраняя общий характер, представляют много оттенков, смотря по достатку жениха и невесты и по их положению в обществе, которое делится здесь на два класса: на класс служащих и на класс мастеровых. Если родители жениха и невесты принадлежат к классу служащих и особенно если имеют порядочный достаток, тут свадьбы делаются более на барскую руку. Если же вступающие в брак принадлежат к классу мастеровых, то тут свадебные обычаи...* заключают в себе более материалов для этнографии, в которых слышны отголоски нашей старины. Поэтому и опишем здесь свадебные обряды, бывающие у мастеровых в Суксунском заводе.

1. СВАТАНЬЕ

Молодые люди, женихи и невесты, имеют случаи узнавать друг друга и знакомиться на свадебных девичниках, на святочных вечерах, на копотихах, супрядках, при весенних играх на улицах.

Родители сына, достигшего способного к вступлению в брак возраста, посоветовавшись между собою и с ближайшими родственниками, делают выбор невесты для своего сына, разумеется сообразившись с желанием жениха и принявши в счет состояние отца невесты, поведение, характер, рукодельно(сть) и приданое, какое она может принести за собою. Выбрав невесту, решают, кого послать сватовщиком к ее родителям. Свататься посылают одного или двух из ближайших родственников жениха, преимущественно его крестного отца или крестную мать, а иногда ходит свататься

* Здесь лист оборван.— Ред.

и сам отец жениха или мать. При отходе сватовщика к родителям невесты жених подает ему руку, чем и уполномочивает его начать сватанье. Пришедши в дом невесты, сватовщик не вдруг выскажет причину своего прихода, но, уже поразговорившись о том и другом, поведет речь к ее родителям о том, что он «пришел к ним от такового-то с добрым словом, со сватаньем», или что «такой-то приказал им кланяться» и т. д. Родители невесты, хотя бы и знали жениха с хорошей стороны, хотя бы и имели намерение отдать за него дочь свою, никогда не сдадутся на первое предложение сватовщиков, но обыкновенно скажут, что они об этом подумают, посоветуются со своими родными и тогда уже скажут свое решение, для чего и назначают день, в который сватовщик должен опять придти к ним, чтобы узнать это решение. Иногда они повторяют подобные отсрочки несколько раз в надежде, что, услышав о сватанье их дочери, не придет ли жених лучше. В назначенное время сватовщик опять приходит, и если родители невесты не вздумают просватать, то объявляют ему свой отказ, выставляя причиной его какие-нибудь свои обстоятельства или непоправки. В противном же случае, если решаются просватать, то дают сватовщику *слово* и назначают время для завершения *дела*.

Рукобитье и пропиванье

Получивши чрез сватовщика от родителей невесты слово, родители жениха вместе с ним и ближайшими родственниками, с запасом вина и квашеного меду, в назначенное время отправляются в дом невесты. Уже ожидаемые там, они вежливо встречаются с ее родителями и роднею и вводятся в избу, где после взаимных приветствий садятся по лавкам. Тогда отец жениха или сватовщик просит отца невесты покончить *дело*; тот затепливает свечи пред иконами, и все в избе встают с лавок и находящиеся помолются богу. Сделав пред иконами несколько поклонов, родители жениха и невесты ударяют один другого по рукам. После этого свечи пред иконами загашают; отец жениха просит нового своего свата поставить что-нибудь на стол для закуски, и, чтоб *закрепить* руку, начинает потчевать принесенным с собою вином новую родню, прося пить сначала родных отца и мать невесты, потом ее крестных, далее братьев, сестер и прочих родственников. Родственники невесты, принимая стаканы, приглашают пить с ними родных жениха, так отец и мать невесты приглашают выпить вместе с *ними* отца и мать жениха. Тех же, которые не пьют простого вина, потчуют или вином виноградным, или квашеным медом.

Во все это время невеста сидит в углу перед печью вместе с приглашенными ею девушками, ее подружками, которые в то время, когда отец невесты затепливает свечу, *воют*, т. е. поют особенным напевом:

№ 1

Всхоже красное мое солнышко,
 Ты родимый сударь батюшко,
 Свет Василий сударь Иванович!
 Не вставай-ко, родимый батюшко,
 Со дубовой белой лавочки
 На свои на ножки резвья,
 Ты на свой-то на сафьян сапог,
 Среди пола дубового,
 По конец стола кленового,
¹⁰ Перед чудного Спаса образа;
 Не затепляй, родимый батюшко,
 Ты свечи воскояровой,

Не давай-ко, родимый батюшко,
 Свою правую рученьку
 Ты чужому-то чуженину;
 Не принимай, родимый батюшко,
 Ты чару-то да зелена вина
 От чужого-то от чуженина!
 Не вино ты пьешь зеленое:
²⁰ Ты мои-то пьешь горячи слезы;
 Пропиваешь мою буйну головушку
 Со хорошей девьей красотой.

Это же самое воют матери, только слова: «всхоже красное мое солнышко» заменяют словами: «ты падкая моя, жалостливая, моя матушка родимая», и вместо: «на свой-то на сафьян сапог», поют: «на свой-то на сафьян башмак».

Когда окончится вытье и когда все родственники невесты будут попотчеваны, жених идет перед печь, где поит медом девушек, окружающих невесту, которая дарит жениха платком. Жених, приняв платок от невесты и поцеловав ее, потом отводит ее от девушек и садится с нею за стол в переднем углу избы. Тогда девушки начинают петь свадебные песни, сначала жениху, а потом прочим гостям, у которых опять в том же порядке, как и ранее, начинается круговая попойка и продолжается до тех пор, пока не истощится запас принесенного женихом вина. Когда же все вино будет выпито, тогда гости, простившись с хозяевами и друг с другом, расходятся по своим домам.

Впрочем на свадьбах бедных редко бывает при просватании особое пропиванье, а бывает оно большею частью вместе с обручением, накануне дня свадьбы. А как при просватании все-таки необходимо закрепить руку вином, то некоторые сватовщики ходят досватывать вместе с женихом и с вином.

Девичник. Свадебное вытье, приходы жениха с гостинцами

С просватания до свадьбы для невесты считается неприличным бывать вне своего дома, ей даже неприлично ходить в церковь, и поэтому она во все это время не выходит со двора и находится в сообществе девушек, подружек и родственниц, которые приглашаются ею к просватанью и остаются у ней до самой свадьбы. Они шьют для невесты приданое, состоящее в рубашках для жениха, полотенцах и прочем; по дням они поют проголосные песни и воют, а по вечерам играют. Вытье бывает по утру, около обеда, когда приходит какая-нибудь гостья, когда под вечер невеста чешет голову. Выть всегда начинает сама невеста, а потом уже пристают к ней девушки. Вытье в будни бывает следующее:

№ 2

По утру

Благослови-ко, боже-господи,
 Ото сна мне пробудитися,
 От стены бы откати<ти>ся,
 Встать со мягкия со постелюшки,
 Со крутого изголовьяца,
 Из-под теплого одеяличка;
 Прогневить бы ретиво сердце,
 Прослезить бы очи ясныя,
 Пропустить бы реки слезныя,

- ¹⁰ Потопить бы мягку постелюшку
 Со крутым изголовьицом,
 С соболиным одеялечком,
 Со кумами да со подружками!
 Вы вставайте, мои голубушки!
 Не пора вам спать,
 Да вам пора вставать:
 Закатился млад светел месяц,
 Высоко взошло красно солнышко.
 Я спала, млада, высыпалася,
²⁰ Я ждала, млада, дожидалася
 Я от батюшки побужденьица,
 Я от матушки покликаньица.
 Не побудит родимый батюшко
 На работушку на тяжелую,
 На страду, страду сенокосную;
 Не поκληчет родимая матушка
 На стряпню, стряпню суетливую,
 На стряпню на еженную;
 Не нарядит братец миленький
³⁰ На Дунай-реку коня поить;
 Не пошлет родимая сестрица
 На Дунай-реку по свежу воду,—
 Не знать-то, они меня жалеючи,
 Не знать, вовсе избываючи.
 Избывает родимый батюшко,
 Будто врага меня со города,
 Избывает родимая матушка,
 Как малу пташку из тепла гнезда,
 Избывает братец миленький,
⁴⁰ Как люта зверя из темна леса;
 Избывает любезна сношенька,
 Как худу траву со чиста поля,
 Как худу траву подкошённую,
 Подкошённую, да нескребеную!
 Избывши, да меня хватятся,
 Не во времечко догадаются,
 Как попадет родимый батюшко
 На страду, страду сенокосную.
 Они вперед-то едут,— не хватятся,
⁵⁰ Они взад-то поедут, меня хватятся.
 Не во времечко догадаются:
 «Как не стало у нас работницы,
 Самолучшия сенокосницы!»

№ 3

Вытье в полдень

Что я, что я засиделася?
 На кого я загляделася?
 Веселых речей заслушалася?
 Я сижу, млада, да посижу,
 Я гляжу, млада, да погляжу
 По высокому нову терему,
 Я— по лавочкам, по скамеечкам,
 Я— по кумушкам, по подруженькам.

Они все-то сидят по-старому,
 10 Что по-старому да по-прежнему:
 Буйны головы у них учесаны,
 Трубчаты косы приуплетены,
 В косах вязаны алы ленточки,
 Золоты ленты наложены.
 Только я, млада, не по-старому,
 Не по-старому да не по-прежнему:
 Буйная голова не учесана;
 Хоть учесана буйная голова,
 Да учесана не гладешенько;
 20 Хоть заплетена трубчатая коса,
 Да не мелкохонько она уплетена;
 Хоть вязана алая ленточка,
 Да по конец моей трубчатой косы;
 Хоть наложена золотая лента,
 Да поверх моей буйной головы!

№ 4

Вытье под вечер

На дворе-то да вечеряется,
 День ко вечеру приближается,
 Красное солнышко закатается,
 Девий век мой коротается,
 Трубчатая коса расплетается,
 Русы волосы рассыпаются
 По моим-то по крутым плечам!
 Как вечер было об эту пору,
 Да малехонько поранее,
 10 На закате красна солнышка,
 На восходе светла месяца
 Тут летел-летел млад ясен сокол,
 Он махнул-махнул правым крылышком,
 Черкнул своим сизым перышком
 По моему-то лицу белому,
 Не велел он мне тужить-плакати,
 По чужой дальней по сторонущке:
 — Ты не плачь, не плачь, красна девица,
 Не тужи ты, дочь отецкая,
 20 Об чужой дальней сторонущке:
 Как чужая-то дальняя сторонущка
 На красе стоит, на крутой горе,
 Она задом стоит к лесу темному,
 Передом стоит к красну солнышку,
 Она весельицом огорожена,
 Радостями испосеяна,
 Медом, патокой исполевана.
 Как вечер было об эту пору,
 Да малехонько поранее,
 30 На закате красна солнышка,
 На восходе светла месяца
 Тут летела бела лебедушка,
 Она махнула правым крылышком,
 Черкнула сизым перышком
 По моему ретиву сердцу,

Она велела мне тужить-плакати
 По чужой дальней сторонущке:
 — Ты поплачь-поплачь, красна девица,
 Потужи ты, дочь отецкая,
⁴⁰ По чужой-то дальней сторонущке.
 Как чужая-то дальняя сторонущка
 По край стоит света белого,
 По конец мира крещеного,
 Она задом стоит к красну солнышку,
 Передом стоит к лесу темному,
 Она тоскою огорожена,
 Она печалью испосеяна,
 Она слезами исполевана.

№ 5

Вытье вечером накануне какого-нибудь праздника
 Завтра, завтра большой праздничек,
 Завтра светлое воскресеньице;
 Уж как выпустит судья праведный
 Из тюрьмы потюремщичков,
 Из приказов посидельщичков:
 Не отпустит родимый батюшко
 Меня во матушку во божью церковь!

№ 6

Вытье в праздник поутру
 Сизыя вы мои голубушки,
 Белыя вы мои лебедушки!
 Не пора вам спать,
 Да вам пора вставать:
 Что пропели ранние петухи,
 Что прошел-прошел колокольный звон;
 Ото сна люди пробудилися,
 Ко заутрене собиралися.
 Уж как мне-то, молодешенькой,
¹⁰ Укоротал родимый батюшко
 Все пути мне, дороженьки,
 Пешеходные тропочки:
 Мне первую-то путь-дороженьку —
 Мне во матушку во божью церковь,
 Мне другую-то путь-дороженьку —
 Ко кумам ходить, ко подруженькам,
 Мне третью-то путь-дороженьку —
 Во торго ходить, во базарички
 Покупать алыя ленточки,
²⁰ Украшать свою девью красоту.

№ 7

Когда невеста чешет голову, вытье обращается к матери
 и незамужним сестрам

Падкая моя, жалостливая,
 Моя матушка родимая,
 Свет Авдотья Алексеевна!

КРЕСТЬЯНСКИЙ СВАДЕБНЫЙ СГОВОР

Картина неизвестного художника (масло), вторая половина XVIII в.
Исторический музей, Москва

Заплети-ко, родима матушка,
Ты мою-то трубчату косу,
На роду-то хоша не впервые,
Девьей красоте во последние.

№ 8

Сестрам воют то же самое, только обращение начинается словами:
Сизая моя голубушка,
Белая ты моя лебедушка,
Сестричка моя родимая,
Свет Анна Васильевна!

№ 9

Если к невесте или ее родителям придет какая-нибудь гостья, близкая родственница и знакомая невесте, то к ней воют:

Что идет-то, ко мне жалует
Небывалая честна гостюшка,
Моя тетушка родимая
Свет Татьяна душа Андреевна!
<Вот>* спасибо, моя голубушка,
Что ты пришла не поспесивилась,

* Здесь лист оборван.— Ред.

Но на том тебе не спасибо,
 Что по поздну в гости гостишь.
 Ты пришла бы, моя голубушка,
 10 Попереж людей, поранее,
 Попереж бы злых разлучников,
 Ты бы села, моя голубушка,
 Возле батюшка родимого,
 Возле матушки родимья,
 Ты пытала бы их разговаривать,
 Чтоб не просватал меня батюшко
 За чужого-то за чуженина,
 Не запоручила бы родима матушка
 За поруки меня за крепкия.

№ 10

А иногда к гостье воют следующее:

Уж я во горе не услышала,
 В горячих слезах не увидела,
 Не вышла гостью не встретила,
 Не взяла гостью за белы руки,
 Не ввела гостью во высок терем,
 Не *

Сизая ты моя голубушка!

Я что-то у тебя хочу спросить;

Я спрошу у тебя, надеючи:

10 — Ты скажи мне, меня жалеючи,
 Ты скажи мне, моя голубушка,
 Про чужую-то дальнюю сторонушку!

(Здесь гостья, если умеет, и сама начинает вить вместе с девушками.)

На чужой-то дальней сторонущке
 Надо жить-то умеючи,
 Что умеючи, да разумеючи;
 Голову-то иметь низкопоклонную,
 Ретиво-то сердце покорное;
 Надо каждому поклониться,
 Старому, малому покориться.

20 Как чужой-то родимый батюшко —
 Ровно зимонька студеная,
 Как чужая-то родима матушка —
 Как морозы люты крещенские,
 Как чужие-то братец и сестрица —
 Среди земли заметелица,
 Как чужой-то чуженин —
 Как шипика колючая.

№ 11

В те дни, сидя за работою, еще воют следующее:

Сизыя вы мои голубушки,
 Белыя вы мои лебедушки!
 Как пройдет-то зима студеная,
 У зимы будет весна красная,
 У весны будет лето теплое,

* *Здесь лист оборван. — Ред.*

У легичка — божьи празднички.
 Вы пойдете, мои голубушки,
 Во луга гулять во зеленые,
 Вы зайдите, мои голубушки,
¹⁰ Ко батюшку под окошечко,
 Вы покличьте меня, погаркайте:
 Уж вы дайте назолушку
 Моему родимому батюшку!

Во время девичника, т. е. от просватанья до свадьбы, жених почти каждый вечер ходит к невесте с гостинцами. Для этого он приглашает с собой своих холостых приятелей и, взяв с собою орехов и пряников для гостинцев невесте и девушкам, идет в дом невесты. По приходе туда жених отдает гостинцы девушкам и невесте, с которою, поцеловавшись, садится рядом. Товарищи его также садятся. Тогда девушки, если день не праздничный, то, занимаясь шитьем, поют жениху и невесте две свадебные песни. По окончании первой песни жених целует невесту, а по окончании другой он, тоже поцеловавшись с невестою, подзывает к себе которого-нибудь из своих товарищей, дает ему денег и просит рассчитаться за песни с девушками. Тот, положив эти деньги на стол, у которого шьют девушки, или отдав одной из них, подходит к девушкам и целует их, а за ним и прочие товарищи жениха также подходят к девушкам и целуют их. Потом девушки поют песни всем пришедшим с женихом, и те также рассчитываются с ними за песни деньгами и поцелуями. Когда по соображению невесты окажется, что девушки для того дня уже достаточно поработали, она позволяет им оставить шитье и поиграть. Девушки не дожидаются повторений этого обещания, но суетливо свертывают и убирают шитье и начинают играть. Игры эти продолжаются далеко за полночь, а часто и чуть не до утра, особенно если играют в отдельной комнате и не мешают спать хозяевам. Жених и невеста в играх участия не принимают и сидят особо, пока жених, насидевшись, не уйдет домой; тогда невеста, проводив его до ворот и простившись с ним поцелуем, ложится спать. Кроме приятелей жениха, на девичники ходят играть и другие холостые ребята. Вход на девичник никому не воспрещается: всякий холостой может приходить и играть но, разумеется, под условием прилично вести себя. Девичьи игры на свадьбах суть те же самые, что и на святочных вечерах; они доставляют девушкам величайшее удовольствие, представляя им случай понравиться молодым ребятам, а свадебные девичники самые вернейшие пути к достижению этой цели. Конечно, хороши для этого и святочные вечера, но свадебные девичники лучше, потому что, продолжаясь несколько дней, они дают девушкам-невестам более возможности показать свою красоту, наряды и любезность. Поэтому-то девушки с удовольствием принимают приглашения невест сидеть на их девичниках и безропотно корпят за шитьем иногда недели по две, не получая за труды свои никакого вознаграждения ни от невесты, ни от ее родителей, и пользуясь только откладываемыми им за песни деньгами, которые они, по окончании девичника, разделяют между собою или по равной части, или соразмерно трудам по шитью, или по уменью петь свадебные песни. Но это вознаграждение далеко ниже трудов их, потому что они гораздо более в это время могли бы приобрести работою дома. Они знают это и не жалуют, так им дорого сидеть на девичнике.

⟨2.⟩ СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Свадебные песни можно, по их содержанию и напевам, разделить на песни жениху и невесте, песни женатым и песни холостым.

Первые отличаются своим томным напевом и тем, что в них проглядывает грусть невесты по оставляемому ею девическому быту и сожаление о ней ее подружек. Песни женатым поются более веселым напевом, а песни холостым составляют по напеву своему средину между песнями жениху и песнями женатым. Достоинство последних для того, кому поют, заключается в том, какую ему припоют невесту. Женихи знают наперечет всех невест в заводе и, смотря по тому, каких им приписывают, заключают о том, какое мнение имеют поющие об их женишеских достоинствах, девушки же знают, чем польстить самолюбию слушающих и потому всегда припевают таких невест, чтобы песня понравилась слушателю, и им бы отложили за нее поболее денег. Впрочем у девушек принято за правило не припевать тех, которые сидят тут на девичнике, что(бы) не осты-
дить их.

Все эти песни следуют здесь.

Песни жениху и невесте

№ 12

Ты, коса моя, косонька,
Ты, коса, русые волосы!
Расплеталась трубчатая коса
У души у красной девицы
У Натальи Алексеевны;
Выплетался шелковый приплет,
Выпадала алая ленточка
Из ее трубчатой косы;
Рассыпались русые волосы
¹⁰ По ее по крутым плечам.
Во саду было, в садичке,
Во садочке зелененьком,
Тут ходил-гулял молодец,
Свет Григорий Матвеевич,
Он ходил, сам голову часал,
Русые кудерцы завивал,
Ко кудрям сам приговаривал:
— Прилегайте вы, русы кудри,
Ко моему лицу белому,
²⁰ Лицу белому, румяному;
Привыкай, красная девица,
Свет Наталья Алексеевна,
К моему уму-разуму,
Что ко нраву молодецкому!
На заре было, зореньке,
На заре было утренней,
Что кричит лебедь белая,
Горько плачет красная девица,
Свет Наталья Алексеевна:
³⁰ — Посмотри, родимая матушка,
Парасковья Антоновна,
Ты во свой во зеленый сад!
Как на твой-то зеленый сад
Налетели гуси серые,
Поклевали грушу зеленую,
Пощипали сладки яблочки!
Посмотри, родимый батюшко,
Ты во свой во широкий двор!

Широки ворота расперты,
 40 Изуоставлен двор каретами,
 А красно крыльцо лакеями,
 Новыя сенечки боярами,
 А столовая новая горница
 Вся столами изуоставлена.
 За столами дороги гости,
 Гости званые, жданные!
 Ты, родимая матушка,
 Свет Парасковья Антоновна,
 Ты дари дорогих гостей,
 50 Ты дари дарами немалыми,
 Все платочками алыми,—
 Ты моего-то обручного
 Душой красною девицей,
 Свет Натальей Алексеевной!

№ 13

Не было ветру — вдруг навенуло,
 Не было гостей — вдруг наехали,
 Подломили сени новыя,
 Расступили чару золоту,
 Выпустили соловья из саду.
 Расплатится красна девица душа,
 Свет же Наталья Алексеевна.
 Потешили ее князя-бояра,
 Пуще всех тешил удалый молодец,
 10 Свет же Григорий Матвееч сударь:
 — Не плачь, не тужи, красна девица душа,
 Свет Наталья Алексеевна!
 Мы новыя сени переделать велим,
 Твою золоту чару перелить отдадим,
 А вместо соловья буду я у тебя!

Песни эти поются в прощиванье и в обрученье. Кроме этого, если невеста сирота, если ее отец уже умер, то поют еще следующую песню:

№ 14

Уж ты, яблонь ли, яблонь кудрявая моя!
 Я садила тебя, полевала тебя;
 Я на яблони цветичков не видывала,
 Я сахарных-сладких яблочков не кушивала.
 Моя милая дочь, Наталья душа Алексеевна!
 Я родила тебя, полюбила тебя,
 А ныне тебя, дитятко, замуж отдаю
 За удалого добра молодца, за Григорья Матвееча.

№ 15

Возле реки,
 На крутом берегу,
 Стоял тут
 Сад зелененькой.

В том во саду
 Висит клеточка,
 Во той во клеточке
 Канареечка
 Малая пташечка.
¹⁰ Слетались к ней
 Малыя пташечки,
 Канареечки,
 Пели они
 Жалобнешенько:
 — Свет ты наша
 Канареечка,
 Малая пташечка!
 Знать, нам с тобою
 Вместе не летывати,
²⁰ Пшенки, горошку
 Не клевывати.
 Возле реки,
 На крутом берегу,
 Стоял тут
 Нов высок терем.
 В том терему
 Красная девица сидит,
 Свет Наталья Алексеевна.
 Сходились к ней
³⁰ Все кумушки,
 Все подруженьки,
 Были они жалобнешенько:
 — Свет ты наша
 Красная девица душа!
 Знать, нам с тобою
 Вместе не сиживати,
 Крепкия думы
 Не думывати,
 Тайных речей
⁴⁰ Не говаривати:
 Крепкая дума —
 Григорий у тебя,
 Тайныя речи —
 Матвеич господин.

№ 16

Вы цветы мои, цветики,
 Вы цветочки лазоревы!
 Вас немного было сеяно,
 Что вас много уродилося?
 Вы, души красны девицы!
 Вас немного было в тереме,
 Что вас много очутилося?
 Из вас не было изменщицы
 Души красныя девицы,
¹⁰ Свет Натальи Алексеевны;
 Не хотела она замуж идти,
 А хотела в монастырь пойти
 Нас, девиц, за собой вести:

Как одну из нас в ключницы,
 А другую в варильщицы,
 Еще третью на собор звонить.
 Уж как ныне красная девица
 Собирается замуж идти
 За удалого добра молодца
 20 За Григорья Матвеича.
 На что душа прельстилася?
 На что согласилася?
 Что прельстилася красна девица,
 Свет Наталья Алексеевна,
 На орешки, на прянички,
 На удала добра молодца,
 Свет Григорья Матвеича.

№ 17

Во поле, во поле, во поличке
 Устлана дороженька ковричком,
 Увита широкая питием.
 Кто эту дороженьку устлал-устилал?
 Кто эту широкую увил-увивал?
 Устлал дороженьку удалый молодец,
 Свет же Григорий Матвеич сударь,
 Часто ко тестюшку ежжучи,
 Дороги подарочки вожжучи:
 10 Первый-то подарочек — сахарец,
 Другой-то подарочек — конфетец,
 Третий-то подарочек — сам молодец.
 За то его тестюшко полюбил,
 Душей красной девицей наделил,
 Свет Натальей Алексеевной.
 Садилась Наташенька выше всех,
 Клонила головушку ниже плеч
 Думала думушку крепче всех:
 Как-то мне жить на чужой стороне?
 20 Как будет назвать свекра батюшком?
 Как будет назвать свекровку матушкой?
 Как будет называть деверьев братцами?
 Как будет называть золовок сестрицами?
 Я убавлю, молода, спеси-гордости,
 Я прибавлю, молода, ума-разума:
 Назову я свекра батюшком,
 Назову свекровку матушкой,
 Назову деверьев братцами,
 Назову золовок сестрицами,
 30 Назову я ладу-то ладушкой,
 Свет же Григорьем Матвеичем.

Песня женатым

№ 18

В огороде трава зеленая была,
 Зеленым она зеленешенька,
 Мы такой зеленой мало видывали.

Мало видывали, редко слыхивали.
 У Андрея жена молодая была,
 У Петровича молодешенька,
 Свет Федосья душа да Ивановна,
 Мы такой молодой мало видывали,
 Мало видывали, редко слыхивали.
¹⁰ А Андрей-то сударь так жене говорил,
 А Петрович-то своей барыне,
 Свет Федосье душе да Ивановне:
 — Породи мне, жена, сына — ясна сокола,
 Отдадим мы его в Казань грамоте учить,
 Мы не ради учебы, ради чести-хвалы,
 Ради чести-хвалы, ради всей красоты.

или:

— Породи мне, жена, мне милую дочь,
 Мне милую дочь — лебедь белую,
 Отдадим мы ее в Москву золотом шить,
²⁰ Мы не ради учебы, ради чести-хвалы,
 Ради чести-хвалы, ради всей красоты.

№ 19

По полю-полю, по широкому полю
 Летал-вылетал сизокрылый голубок;
 Кликал-выкликал он голубушку свою:
 — Ты лети-лети сюда, голубушка моя!
 Я тебя люблю за полеточку твою.
 По двору-двору, по широкому двору
 Ходил тут, гулял удалый молодец,
 Свет же Василий Степаныч сударь,
 Звал он, вызывал жену барыню свою:
¹⁰ — Подь-иди сюда, жена барыня моя!
 Я тебя люблю за походочку твою:
 По двору идешь, как лебедушка плывешь,
 Речи говоришь, как соловышек поешь.

№ 20

Как у чарочки у серебряных
 Золотой ее веночик,
 У Василья молодца у Иванныча
 Дорогой его ум-разум:
 Где ни ходит, ни гуляет,
 Домой едет ночевати,
 Он велит жене встречати:
 — Уж ты, Марьюшка, встречай,
 Ты, Андреевна, встречай!
¹⁰ — Мне не времечко встречати,
 Надо сына мне качати.
 Уж я сына-то качаю,—
 Себе сношеньку качаю,
 Сноху, сноху молодую,
 Заменушку вековую.

ДЕВИЧНИК

Картина неизвестного художника (масло), вторая половина XVIII в.
Исторический музей, Москва

или:

Уж я дочь-то качаю,—
Себе зятюшка качаю,
Зятя, зятя молодого,
Гостя дорогого.

№ 21

В тереме свечка ясененько горит,
Ярого воску притаивает;
Нянюшки-мамушки припадаывают
К тому шитому, браному положку:
— Спишь ли, не спишь ли, Анна душа?
Спишь ли, не спишь ли, Сергеевна?
— Сплю я, не сплю я, а так все лежу.
Нянюшки-мамушки, ложитесь спать,
Ложитесь спать, вам некого ждать.
¹⁰ Мне ли, молодешеньке, всю ночьку не спать,
Всю ночьку не спать, мила друга ждать!
Ближе-поближе Игнатий ко двору,
Ближе-поближе Андреич к широку;

Вскочнул на крылечко на крашеное,
 Брякнул за колечко серебряное,
 Дрогнуло сердечко Аннушкино,
 Дрогнуло ретиво Сергеевнино.
 — Где ты, мой душечка, был-побывал?
 — Был я тестя у ласкового,
²⁰ Был я у тещи приветливый,
 Был у шуринов у ясных соколов,
 Был у своячин белых лебедей.
 — Чем тебя тестюшко дарил-подарил?
 — Дарил меня тестюшко воронным конем,
 Теща дарила шитым ковром,
 Шурин дарил черкасским седлом,
 Сваячина дарила шириночкой,
 А ты, моя душечка, милым сыном,
 Свет Александром Игнатьичем.

№ 22

В огороде не трава,
 На болоте не вода.
 Около куста, около куста около ивенького,
 Вился голубь, вился сизый со голубушкой;
 У голубя у сизого золотая голова,
 У голубушки головушка серебряная.
 Голубь стучается, сам и слушается,
 Что в тереме говорят, что в высоком глаголят.
 А Дмитрий сударь так жене говорил,
¹⁰ А Степанович своей барыне,
 Александре душе да Савельевне:
 — Породи ты мне, жена, сына ясна сокола!
 Я за эту за услугу сарафан тебе сошью,
 Сарафан тебе сошью штофный на золоте,
 Вкруг подола обошью золотою бахромой.
 Все товарищи его позавидовали:
 Как бы мне, как бы мне хороша такая жена,
 Как Александра душа да Савельевна!
 Я бы в лете, я бы в лете в карете ее катал,
²⁰ Я бы в зиме, я бы в зиме в новых писанных санях;
 Я бы в неге, я бы в неге калачом с медом кормил;
 Я бы в воле, я бы в воле на руках ее носил —
 Свою хорошу жену, Александру душу да Савельевну

№ 23

Грановитая палата становита,
 Как во той во палате будет свадьба,
 Будет свадебка да веселая.
 Как при той при кампанье будет гостья,
 Будет гостюшка да дорогая,
 Будет свашенька да молодая,
 Свет Марья душа да Максимовна.
 При беседушке она не сидела,
 У ней головушка заболела;
¹⁰ К утру, ко дню она сына породила,
 Сына ясененького соколочка,
 Свет Егора-то да Никитича.

Бегут нянюшки, бегут мамушки со свечами,
 Одна нянюшка, одна мамушка со дитею:
 — Тебе не надо ли, Никита, не надо ли, Семеныч, милого сына?
 — Еще как мне не надо милого сына!
 Мне при младости его на потеху,
 Мне при старости на замену.

№ 24

Как по сениям, по сеничкам
 По новым по решетчатым,
 Тут ходила и гуляла
 Молодая молодушка,
 Дорогая боярыня
 Катерина Абрамовна;
 За правую руку водила
 Своего сына милого,
 Евгенья Прокопьяча,
 10 За левую руку водила
 Дочь белую лебедушку,
 Свою Дарью Степановну;
 Она будила-будила
 Своего друга милого,
 Свет Степана Еремеича:
 — Уж ты встань, душа, пробудись,
 Пробудись, душа отецкий сын,
 Свет Степан Еремеич сударь!
 Мимо наш-то широкий двор,
 20 Мимо широких воротичек
 Пролегала дороженька,
 Московская широкая.
 Как по той по дороженьке,
 Как по той по широкой,
 Государь-царь в поход пошел
 Со своей силой-армией,
 Со князьями, со боярами,
 Со детьми княженецкими.
 — Ты не плачь, моя умная,
 30 Не тужи, моя разумная:
 У нас все будет исправлено,
 У нас все изготовлено:
 Комони приоседланы,
 Молодцы приснаряжены,
 Только сесть да поехати.
 Уж заднего настижем,
 Мы переднего обстижем,
 Мы к царю-государю пойдем,
 Мы коня в поводу поведем,
 40 Сокола на руке понесем,
 Сокола — сына милого,
 Мы еще на руке понесем
 Дочь белую лебедушку.
 Нечто бог нас помилует,
 Государь-царь пожалует
 Тремя городами вольными,
 Что Казанью и Астраханью,
 И Москву богатою.

№ 25

На дворе-дворичке, стоит кипарис-то древичко,
 На том кипарис-те древичке
 Висит колыбель золотая,
 А петельки шелковые,
 Колечки серебряные;
 В той колыбели золотой
 Лежит удалый молодец,
 Свет Артемий Егорыч сударь.
 — Ой нянюшки-мамушки мои,
¹⁰ Качайте меня, молодца,
 Раскачните повыше того,
 Не увижу ли я лапушку свою,
 Свет Татьяну Кирилловну.
 Ах, лапушка, лапушка моя,
 Свет Татьяна Кирилловна душа!
 Ты мне сына родила,
 Лицом белым во себя, во себя,
 Очами ясными в сокола, в сокола,
 Бровями черными в соболя, в соболя,
²⁰ Умом-разумом во меня, во меня,
 Во меня, во удаля молодца,
 Во Артемья Егорыча!

№ 26

Плавала чарочка в сладком меду,
 Плавала серебряная в сырчатом,
 Никто за чару не примется,
 Взялся-принялся удалый молодец,
 Свет Анисим Антоныч сударь;
 Носит-подносит жене молодой,
 Свет Палагее Кирилловне:
 — Выкушай, надежда, выпей, радость моя!
 — Право, друг, мне не хочется,
¹⁰ Видит бог, — мало можется.
 Ночесь мне, душенька, мало спалось,
 Мало спалось, много виделось:
 Как бы у нас во широком дворе
 Выросла травонька шелковая,
 Расцвели цветички аленькие,
 Аленькие и лазоревые;
 По той травоньке ходил павлин
 С сизой павушкою.
 — Я тебе, душенька, сон рассужу,
²⁰ Сон рассужу, все словесно скажу:
 Шелкова травонька — люди при нас,
 Аленькие цветички — дети у нас,
 Аленький цветичек — милый сын,
 Свет Николай Анисимыч,
 Лазоревый цветичек — милая дочь,
 Свет Аграфена Анисимовна,
 Сиз павлин — я у тебя,
 Сизая павушка — ты у меня,
 Ты у меня — молодая жена,
³⁰ Свет Палагея Кирилловна.

№ 27

Не летай ты, сокол, высоко,
 Не маши ты крылом широко!
 Много-много бояр на Руси,
 Того больше князей в Москве,
 А нет такова молодца
 Ни в Казани, ни в Астрахани,
 Ни в Усолъе, нове городе.
 Проявился такой молодец,
 На заводе у Демидова,
¹⁰ Что богатая богатыня,
 Да Василий сударь Федорыч:
 Он с гривны на гривну ступал,
 Он рублем ворота отпирал,
 А полоторым запирает;
 Выкупал же такой молодец
 Из тюрьмы потюремщичков,
 Из приказов посидельщичков.
 За него богу молятся,
 За удала доброго молодца,
²⁰ За Василья-то Федорыча:
 — Тебе дай, боже, здравствовать
 Да на многая лета!
 Да еще богу молятся
 За его жену милую,
 За Дарью Ивановну;
 Да еще богу молятся
 За его сына милого,
 За Ивана Васильича;
³⁰ Да еще богу молятся
 За его дочь любезную,
 Свет за Анну Васильевну.

№ 28

Мимо наш-то широкий двор,
 Мимо широких воротичек
 Пролежала дороженька,
 Московская широкая.
 Как по той по дороженьке,
 Как по той по широкой
 Никто не прохаживал,
 Никто не проезживал,
 Проезжал добрый молодец,
¹⁰ Свет Григорий Васильевич.
 Он конем поворачивает,
 Сам в окошко заглядывает,
 Он душу заповедывает,
 Он — душу молодую жену
 Степаниду Егоровну.
 С кем сидит моя барыня?
 Со какими дорогими гостям?
 С генералами, полковниками?
 С офицерами, поручиками?
²⁰ — Не того поля ягода,

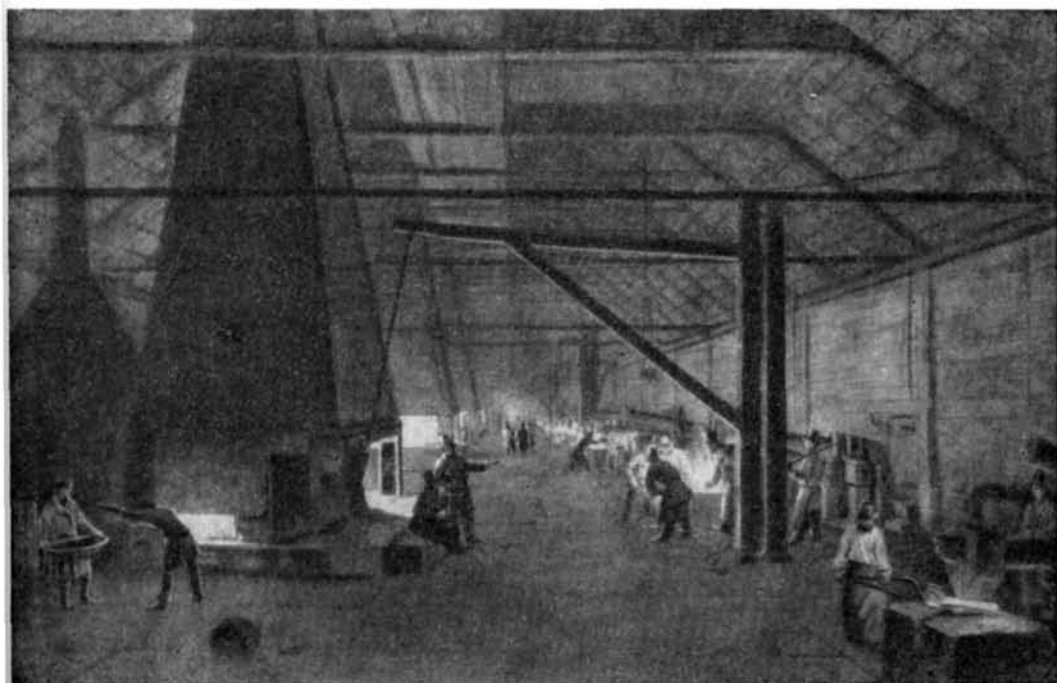
Не того отца дочь я была,
 Чтоб сидеть с дорогими гостям,
 С генералами, полковниками,
 С офицерами, поручиками!
 Я того поля ягода,
 Я того отца дочь была —
 Мне сидеть со милым другом,
 Со Григорьем Иванычем,
 Мне и с ним дума думати,
³⁰ Мне с ним речь говорити.
 Мне еще дума думати,
 Мне еще речь говорити —
 Со своим со милым сыном,
 Со Иваном Григорьичем;
 Мне еще дума думати,
 Мне еще речь говорити —
 Со своей милой дочерью,
 Да со Анной Григорьевной.

№ 29

Не разбушуй, холоден ветер,
 Не раскачай звонки колокола,
 Не разбуди у Ивана жену у Демидыча,
 Свет душу Анну Григорьевну!
 Вечор она во пиру была,
 Поутру она сына родила,
 За то ее очень царь полюбил,
 А царица ее много жаловала —
 Тремя городами с пригородками.
¹⁰ Во первом городе пиво варили,
 Во другом городе вино курили,
 Во третьем городе водки двоили,
 В пригородочке сына крестили.
 Кум-то был генеральский сын,
 Кумушка была генеральша сама.
 Кум крест клал в пять сот рублей,
 Кумушка ризки в тысячу.

№ 30

Летит-летит голубок,
 Летит-летит, воркует:
 На терем сядет, припадет,
 Припадет, послушает,
 Что в тереме говорят,
 Что в высоком говорят.
 А во тереме говорит
 Муж с женой боярыней,
 Свет Артемий Павлыч господин
¹⁰ С Александрой Ивановной душой.
 Муж-то жене говорил:
 — Жена, моя боярыня,
 По имени Александра Ивановна!
 Породила ты мне, жена,
 Сына ясного сокола,

НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКИЙ ЗАВОД
 Картина В. Е. Раева (масло), 1850-е годы
 Исторический музей, Москва

По имени Петра Артемыча,
 За то тебя жалую:
 Куплю тебе сарафан
 Дорогой люстриновой,
²⁰ С алой лентой, голубой,
 Со уборкой флеровой.

№ 31

Аленькая-аленькая веточка,
 Что ты не цветешь, не лазоревеешь?
 Рада бы цвела и лазоревела,
 Студена зима всю пожала меня.
 Летел-полетел сокол высоко,—
 Едет, вот едет, наш барин домой,
 Свет же Григорий Алексеевич,
 Ведет он, ведет всю силу с собой:
 По правую руку пятьдесят человек,
¹⁰ По левую руку и все шестьдесят.
 Он по двору едет,— лакеи стоят.
 — Слуги вы, слуги, лакеи мои!
 Дома ли, дома ли жена молода,
 Свет душа Татьяна Михайловна?
 — Дома она в новой спальне спала.
 — Подите, слуги, разбудите ее!
 Нет, слуги, не будите ее;

Я сам пойду, я сам разбужу,
 Я сам разбужу молодую жену,
²⁰ Свет душу Татьяну Михайловну.
 — Вечор я, душенька, ночь не спала,
 Ночь не спала, ковер вышила,
 Ковер вышила, узду вынизала —
 Твоему коню на всю красоту,
 Тебе молодцу на честь, на хвалу.

№ 32

Летел соловей из зеленых лузей;
 Сел-сел соловей на зеленый сад.
 Он пел-воспевал, выговаривал:
 — Кто здесь у нас во совете живет?
 Еще кто-то у нас в великом?
 А Яков у нас в совете живет,
 Еремеич у нас в великом.
 С хорошей своей женой, с Анной душой
 С Анной душой с Александровной.
¹⁰ А Яков сударь так жене говорил,
 Еремеич сударь своей барыне:
 — Породи мне, жена, милого сына,
 Мне хорошего роди, роди счастливого,
 Роди счастливого и талантливого:
 Чтобы при городе он городничим был,
 Чтобы при полку был полковником,
 При заводе был бы он приказчиком.

Песни холостым

№ 33

Уж как по морю,
 По синю морю Хвалынскому
 Плыла утка, плыла серая;
 Плывши она укунулася;
 Под ней вода всколыбалася,
 По лужечкам разливалася.
 По бережку, вдоль по крутому
 Ходил-гулял добрый молодец,
 Свет Василий Иваныч сударь,
¹⁰ Он убил-подшиб утку серую;
 Он пух пушал по поднебесью,
 Крылья-перья по чисту полю бросал.
 Не где взялась красна девица душа,
 Свет Александра Алексеевна,
 Брала перья, приговаривала:
 — Судьбе моей на перинушку,
 Судьбе моей на пуховую,
 Разудалому-удалому добру молодцу,
 Свет Василью Михайлычу.

№ 34

Не разливайся, мой тихий Дунай,
 Не потопляй свои зелены луга!

- В тех лужочках ходит олень,
Ходит олень — золотые рога;
Мимо тут ездит удалый молодец,
Свет Афанасий Григорьич сударь:
— Я те, олень, из ружья застрелю!
— Не бей, не стреляй, удалый молодец,
Свет Афанасий Васильич сударь!
- ¹⁰ В некое время сгожусь я тебе:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Широкий двор весь коврами устелю,
Новыя сени рогами освечу,
Во новой горнице сам попляшу,
Всех гостей взвеселю,
Пуще всех — невесту твою
Душечку красну девицу,
Свет Степаниду Андреевну,
Чтобы она не тужила ни о чем,
- ²⁰ Чтобы она и не плакала,
Не лила слезы по белому лицу,
По белому лицу, по румяным щекам.

№ 35

- Уж как на горе-горе,
На высокой, на крутой,
На прикрасе на таком,
Тут стоял городок,
Город каменный;
Как во этом городе
Сила-армия стоит.
Еще кто во этой силе
Воеводою гуляет?
- ¹⁰ Гуляет воеводой удалый молодец,
Свет же Михайло
Андреич господин.
Он силою силен,
Своей волею волен;
Он всю силу полонил,
Да одну заполонил
Душу красную девицу,
Свет же Марью Ивановну.
Как возговорит Марья Ивановна:
- ²⁰ — Ой батюшка мой,
Уж ты свет родной!
Выкупи меня
Да и выручи меня!
— Ах, дитятко мое,
Ты родимое мое!
Им не надо за тебя
И не ста, и не два,
И не тысячу рублей,
Только надо молодцу
- ³⁰ Душу красну девицу,
Свет же и Марью Ивановну.

№ 36

- У сахарного древичка
 Одна была веточка,
 У родимого тятеньки
 У Григорья Иваныча
 Один был милый сын,
 Свет Иван Григорьич сударь.
 Его любили-лелеяли,
 По головушке гладили.
 Говорила же ему матушка:
- ¹⁰ — Ты дитя мое, дитятко,
 Ты дитя, мой милый сын!
 Ты поедешь жениться
 И приедешь на широкий двор,
 Не пушай коня по двору,
 А отдай коня конюху,
 Пусть сведет его на конюший двор,
 Пусть поставит во стойлышко,
 Пусть накормит пшеницею,
 Напоит медом, патокою.
- ²⁰ Ты взойдешь на красно крыльцо,—
 Вытирай ножки резвья,
 Не марай полы белые.
 Ты взойдешь в новы сенички,—
 Ты снимай шляпу черную,
 Ты бери ее в ручку левую.
 Ты взойдешь в нову горницу,—
 Ты не долго богу молися,
 Ты не низко тестю кланяйся,
 А пониже теще-матушке:
- ³⁰ Докупайся до суженья,
 До души красной девицы
 До Катерины Алексеевны.

№ 37

- Вкруг Казани, вкруг города,
 Вкруг стены белокаменной
 Ездил-гулял добрый молодец,
 Свет Алексей Тимофеич сударь
 На своем на добром коне,
 На своем черкасском седле,
 На своем на шитом ковре.
 Из высока нова терема
 Его завидела сестрица,
- ¹⁰ Сестричка родимая, душа красная девица,
 Парасковья да Тимофеевна:
 — Тебе полно, брат, ездити,
 Тебе полно, брат, гуляти;
 Притомил ты добра коня,
 Износил черкасско седло,
 Припотил ты питый ковер!
 — Ты сестра моя, сестрица,
 Ты сестричка родимая!
 Мне не тятенька коня купил,

²⁰ Мне не маменька ковер кроила,
Мне не ты, сестра, вышила:
Мне тестюшко коня купил,
Мне теща ковер кроила,
Мне своячина вышила,
Мне суженая дарила —
Душа красная девица,
Свет Ольга Егоровна!

№ 38

Уж как у броду-броду,
У калинова мосту,
Тут стояли две роты,
Да две роты полевые.
Как по этим по ротам
Воеводой гуляет
Удалый добрый молодец,
Свет Осип Антоныч;
На нем шуба соболина,
¹⁰ На нем шапка боброва,
В руках трость камышова.
А бояре-то молвят.
Господа речь говорят:
— Удалый добрый молодец.
Свет Осип Антоныч!
Тебя кто шубой дарил?
Али тесть, али теща?
— Уж вы глупые бояре,
Господа неразумны!
²⁰ Дарил меня шубой
И не тесть и не теща;
А дарил меня шубой
Господин сам Демидов,
Свет Павел Григорьич,
За мою службу верну,
За мою неизменну,
За хороший ум-разум
Да за прав молодецкий.
Он еще меня дарил,
³⁰ Душой красной девицей,
Свет Еленой Петровной.

№ 39

Что не винная река протекла,
Что не винная, не сахарная,
Она все города прошла,
Что Казань-город, Астрахань,
Что Сибирь-город, богатую Москву.
Как по той по винной по реке
Тут бежит-плывет суденышко,
На суденышке хозяин молодой,
Удалый добрый молодец,
¹⁰ Свет Петр Алексеич сударь.

Он по суденышку похаживает,
 Он работничков наряживает:
 — Вы работнички, работнички мои,
 Вы работнички, удалые молодцы!
 Пригребайтесь ко крутому бережку,
 Ко желту мелку сыпучему песку,
 Опускайте в воду якоря;
 Уж мы выйдем на зеленый на лужок,
 Мы раскинем бел полотняный шатер,
²⁰ Мы расставим белодубовы столы,
 Мы расстелем гранетуровый платок,
 Мы разрежем бел-круписчатый калач,
 Станем девушек приманивать!
 Не где взялась красная девица,
 Свет Лизавета Васильевна.
 — Тебе бог помощь, удалый молодец!
 Я пришла к тебе не шатричка смотреть
 Не калачика кушати,
 Я пришла к тебе во карточки играть.
³⁰ Она играла день одиннадцать часов,
 Проигралась красная девица душа,
 Проиграла свою русую косу
 Со алыми со ленточками.
 Проигрался удалый молодец,
 Свет Осип Антоныч сударь,
 Проиграл свои карманные часы
 Со цепочкой серебреною,
 Того больше он выиграл —
 Душу красную девицу,
⁴⁰ Свет Лизавету Васильевну.

№ 40

На лугу было лужочке,
 На крутом на бережочке,
 Тут стояла же сила,
 Да немалая, большая.
 Еще кто во этой силе
 Воеводою гуляет?
 Да гуляет воеводой
 Удалий добрый молодец
 Свет Никита Семеныч.
¹⁰ Он водит коня
 По зеленым лужочкам,
 Он кормит коня
 Белояровой пшеницей,
 Он поит коня
 Медяною сытою,
 Он треплет коня
 По крутым его по бедрам:
 — Уж ты конь-лошадь добра!
 Сослужи ты мне три службы:
²⁰ Мне первую службу —
 Во Казань по белила,
 Мне другую-то службу —

Виде сурмаго чарытала болса ифредо чарыт
руке вилерилеи по савице, уаи бачаеи Горады.
Фигура привидеи ифредо чарытала ифредо чарытала
ифредо чарытала вилерилеи Репулар 10^й в.
Еще чарытала, ифредо чарытала ифредо чарытала
ифредо чарытала ифредо чарытала

Привидеи турма. Шаки, дурма и савице
савице ифредо чарытала, ифредо чарытала ифредо чарытала
ифредо чарытала, ифредо чарытала ифредо чарытала
ифредо чарытала, ифредо чарытала ифредо чарытала

Бурлаки
и фигура ифредо чарытала ифредо чарытала
ифредо чарытала ифредо чарытала

БУРЛАКИ

Рисунки В. И. Даля (?), 1840-е годы
Исторический музей, Москва

В Астрахань по румяна,
Мне третью-то службу —
На Суксун по невесту,
По душу красну девицу
Свет по Марью Гавриловну.

№ 41

Как по край было синего моря,
Тут стояло древо кудряво;
На том древичке на кудрявом
Веселая сидит птица соловейко.
Она песни поет соловьины,
Словеса говорит все премудры:
— Еще кто у нас в беседе богаче?
Еще кто у нас всех справнее?
— Холост молодец, неженатой,
¹⁰ Свет Егор сударь да Михайлыч.
— Вы подите, его приведите,
Посадите его всех повыше,
Его на три подушки пуховы,
Еще бы мы на него поглядели,
Мы бы невесте его похвалили,
Что хорошей невесте, богатой,
Душе красной девице,
Свет Парасковье Петровне.

№ 42

Во столовой новой горнице,
На стуле на ременьчатом,
Против чистого зеркальца,
Против чистого, немецкого,
Тут сидел добрый молодец,
Свет Дмитрий Васильич.
Он сидел, сам голову чесал,
Русые кудерцы завивал.
Отворились двери в горницу,
¹⁰ Взошла душа красна девица,
Свет Авдотья Филипповна.
— Вот идет моя боярышня,
Вот плывет лебедь белая,
Вот цветет роза алая,
Вот блестит искра алмазная!
Отвечает красна девица:
— Как бы я была боярышня,
За мной были бы служаночки;
Как бы я была лебедь белая,
²⁰ Я бы плавала на синем море;
Как бы я была роза алая,
Я цвела бы в зеленом саду;
Как бы я была искра алмазная,
Я вилась бы золотым перстнем
У тебя бы на правой руке,
У удала добра молодца,
У Дмитрия Васильича.

№ 43

Как на матушке Волге-реке
Мощены мосты калиновые,
Переходы воложенные.
Как никто тут не ходил, не гулял,
Ни стрельцы — удалы молодцы,
Тут ходил-гулял добрый молодец,
Свет Григорий Петрович сударь.
За собой ведет суженую,
За собой ведет ряженую,
¹⁰ Душу красную девицу,
Свет Марью Игнатьевну;
Он ведет, сам наказывает:
— Уж ты, Машенька, не оступись,
Ты, Игнатьевна, не упади!
— Я, хоша, сударь, оступлюсь,
Я за вас сохватаюся,
Я за вашу правую руку,
За удала добра молодца,
За Григорья Петровича.

№ 44

Уж ты царь ли мой да царевич,
Ты король-государь королевич,
Разудаленький добрый молодец,
Свет Андрей сударь да Степаныч!
Ты умел же хорош уродиться:
Белым личиком ты белешенек,
Ты ясными очами веселешенек.
Поносила тебя матушка
Во марте тебя во месяце,
¹⁰ Породила тебя государыня
Во христовскую во заутреню,
Берегла она тебя и лелеяла
И от ветру тебя и от вихоря,
От частого мелка дождичка,
От бела снега от крупищата.
Уж как стал вырастать добрый молодец,
Он стал же владеть добрым конем,
Стал по улочкам часто гуляти,
По частым, мелким переулочкам.
²⁰ Из высокого нова терема,
Из косящетога окошечка
Его завидела красная девица,
Свет Анна душа Степановна;
Говорила же красная девица:
— Как бы этот лошадь-добрый конь.
Он к тятеньке на широкий двор,
Как бы этот добрый молодец,
Свет Андрей сударь да Степаныч.
Он к маменьке во высок терем;
³⁰ Как его-то русы кудерцы
На мой-то бы ручки белыя:
Я чесала бы эти кудерцы
Черепуховым частым гребешком.
Унизала бы эти русые
Я скамчатным мелким жемчугом,
Я на каждую волосиночку
Да по скатней бы по жемчужинке!

№ 45

Прилегайте, ветви, ко сырой земле!
Прилегли кудри ко белому лицу,
Ко удалу добру молодцу
Ко Семену Данилычу.
Его личики — беленький снежок,
Щечки алы — в саду розовый цветок!
Он цветочку любит,ся,
Красоте своей дивуется:
— Был я, был я в Петербурге и в Москве.
¹⁰ Не нашел я невесты по себе!
Нынче, молодец, получше снаряжусь,
Во собор схожу, богу помолюсь,
На все стороны четыре поклонюсь.
Попрошу судьбу хорошую,

Что хорошую, богатую,
 Душу красную девицу
 Александру Леонтьевну,
 Мне со многим приданым:
 Мне село ново со церковью,
²⁰ Мне Суксун-завод с конторою,
 Мне мальчишка-разувальщичка,
 Красную девицу постелю убирать.

№ 46

Во столовой новой горнице
 У любимого боярина,
 У удала добра молодца
 У Василия Васильича
 Столовали князья-бояре,
 Они хотели поженить его,
 Взять душу красную девицу
 Свет Марью Максимовну.
 От него красна девица,
¹⁰ От него, от добра молодца,
 Во чисто поле травонькой.
 Добрый молодец хвалится
 Похвальбою молодецкою:
 — Уж я подберу-подберу
 Себе братью хорошую,
 Удалых добрых молодцев
 Со косами со острыми,
 Уж я подкошу-подкошу
 Во чистом поле травоньку:
²⁰ Уж я дойду и достигну
 До души красной девицы,
 До Марьи Максимовны!
 Во столовой новой горнице
 У любимого боярина,
 У удала добра молодца
 У Василия Васильича
 Столовали князья-бояре,
 Они хотели поженить его,
 Взять душу красну девицу
³⁰ Свет Марью Максимовну.
 От него красная девица,
 От него, от добра молодца,
 Во сине море рыбицей.
 Добрый молодец хвалится
 Похвальбою молодецкою:
 — Уж я подберу-подберу
 Себе братью хорошую,
 Удалых добрых молодцев
 С неводами шелковыми,
⁴⁰ Уж я выловлю-выловлю
 Во синем море рыбицу,
 Уж я достигну-доступлю
 До души красной девицы,
 До Марьи Максимовны!

Во столовой новой горнице
 У любимого боярина,
 У удала добра молодца
 У Василья Васильича
 Столовали князья-бояре,
⁵⁰ Они хотели поженить его,
 Взять душу красную девицу
 Свет Марью Максимовну.
 От него красная девица,
 От него, добра молодца,
 К себе в куть за занавесу.
 Добрый молодец хвалится
 Похвальбою молодецкою:
 — Уж я подъеду-подъеду
 Со князьями, со боярами,
⁶⁰ Со княжими большими свахами,
 Уж я выведу-выведу
 Душу красную девицу,
 Свет Марью Максимовну!

Песни девушкам

№ 47

Уж ты винная ягодка,
 Виноградная веточка,
 Наливной хорош яблочек,
 Душа красная девица
 Александра Алексеевна!
 У тебя лицо белое,
 Белее снегу, белее белого;
 У тебя щечки алыя,
 Алее маку, алее алого;
¹⁰ У тебя очи ясные,
 Как у ясного сокола;
 У тебя брови черныя,
 Как у черного соболя!
 Тебе кто голову чесал?
 Тебе кто косу заплетал?
 — Мне чесала головушку
 Родимая матушка;
 Заплетала русу косу
 Сестричка родимая,
²⁰ Заплетала, приговаривала:
 — Ты расти, моя сестрица,
 Добрым людям на похвальбу,
 Лихим людям на завидость,
 Чтобы добрые люди хвалили,
 Лихи люди завидовали,
 А пуще всех бы завидовал
 Удамый добрый молодец,
 Свет Дмитрий Иванович.

№ 48

Уж вы выходы, выходы!
 Золоты были выходы,
 Золотые-позолочены.
 По тем по выходам
 Шла душа красна девица,
 Свет Авдотья Ивановна,
 В встречу ей добрый молодец,
 Свет Семен Егорыч сударь.
 Он пути у ней спрашивал,
¹⁰ Все дорожки выводывал:
 — Ты, душа красна девица,
 Свет Авдотья Ивановна!
 Ты скажи путь-дороженьку
 Во Казань-город ехати
 Со атласом, со бархатом!
 — Удалый добрый молодец,
 Свет Семен Егорыч сударь!
 От ума ли спрашиваешь?
 От разума ли выводываешь?
²⁰ Во полях все пути лежат,
 Во полях все дороженьки,
 Во реках — броды мелкие,
 На красно крыльцо — лесенка,
 В новые сенечки — дверечки,
 В новой горенке — коврички
 Ко мне в кут за занавесу
 Ко душе красной девице,
 К Авдотье Ивановне.

Песни вдовам

№ 49

Чье это поле негороженое?
 Чей это терем недостроенный?
 Чей это перстень без вставочки?
 Чье это колечко без позолоточки?
 Чья это вдова без мила друга?
 — Свет Степанида Васильевна.
 Надо бы полю огородочку,
 Надо бы терем достроить,
 Надо бы перстню вставочку,
¹⁰ Надо бы колечку позолоточку:
 Надо бы вдове друга милого,
 Свет Никиту Николаича!

№ 50

— Уточка, покупайся,
 Серая, полощися!
 — Уж я рада бы покупалась,
 Я рада бы полоскалась,
 Нету сизого селезенька:
 Он за синими за морями,
 Он за черными за грязями.

— Степанида душа, умывайся,
 Ты, Ивановна, снаряжайся.
¹⁰ — Уж я рада бы умывалась,
 Я рада бы снаряжалась,
 Нет у меня мила друга,
 Свет Андрея-то Николаича:
 Он за темными за лесами,
 За высокими за горами.

№ 51

(Эта песня поется, если жених или невеста сирота.)

Как у дуба, у сыра дуба
 Много ветвей и паветвей,
 Много листу лаврового,
 Только нет у сыра дуба
 Золотыя вершиночки;
 Ее надо бы, надо бы
 На всю весну на красную,
 На все летичко теплое.
 У удала добра молодца
¹⁰ У Михайла Семеныча
 Много роду и племени,
 Много дядюшек, тетушек,
 Только нет у добра молодца
 Его родимого батюшка,
 Свет Семена Михайлыча;
 Его надо бы, надо бы
 Да на эту пору-временчко,
 Ко его ко обрученью:
 Снарядить-то есть кому —
²⁰ Есть родимая матушка
 Аграфена Васильевна,
 Благословить-то его некому —
 Нет родимого батюшка
 Семена Михайлыча!

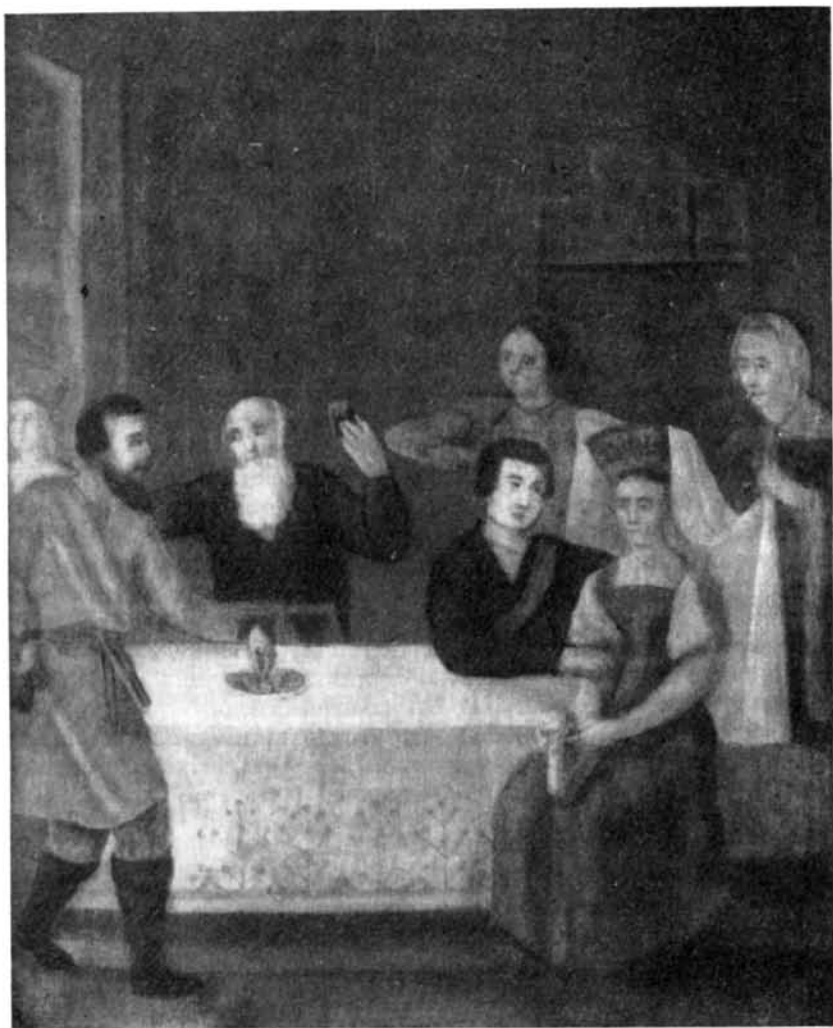
№ 52

Из-за лесу, лесу,
 Из темна перелесу
 Выбегала карета,
 Карета золотая,
 Под ней кони вороные,
 Кучера молодые,
 Шафера холостые.
 Как во той во карете,
 Как во той золотою
¹⁰ Сидит красна девица,
 Свет Анна Григорьевна.
 Она плачет-рыдает,
 Ко карете припадает,
 Свою волю поминает:
 — Свет моя воля!
 Свет моя нега!

У батюшка родного
 Я жила, красовалась:
 Я пойду — не спрошуся,
²⁰ А приду — не доложуся.
 Из-за лесу, лесу,
 Из темна перелесу
 Не сокол вылетает,
 Молодец выезжает,
 Свет Василий Матвейч,
 Ко карете подъезжает,
 Девицу утешает:
 — Не плачь, не плачь, девица!
 Ты не плачь, красавица!
³⁰ Уж я дам тебе волю,
 Уж я дам тебе негу:
 Ты пойдешь, так спросися,
 А придешь, доложися.
 Того пуще заплачет,
 Того пуще зарыдает
 Душа красна девица:
 — Мне это не воля,
 Мне это не нега.
 Я у батюшка родного
⁴⁰ Жила, красовалась:
 Я пойду — не спрошуся,
 А приду — не доложуся!

№ 53

Из-за лесу, лесу темного
 Вылетает стадо серых гусей,
 А другое белых лебедушек.
 Отставала лебедь белая
 Что от стада лебединого,
 Приставала лебедь белая
 Ко стаду ко серым гусям.
 Ее стали гуси щипати,
 А лебедушка кричати:
¹⁰ — Не щиплите, гуси серые,
 Меня, белую лебедушку:
 Не сама я к вам залетела,
 Занесла меня погодушка,
 Что погодушка-невзгодушка.
 Отставала красна девица,
 Свет Александра Васильевна,
 Она от кумушек-подруженек.
 Приставала красна девица
 Ко удалу добру молодцу,
²⁰ Ко Григорью Васильичу.
 Не умеет красна девица
 На головушке поправить;
 Ее стали журить-бранить.
 — Не браните, люди добрые!
 Не сама я к вам заехала,
 Завезли меня кони вороны,
 Кони вороны Григорьевы,
 Что Григория Васильича.

КРЕСТЬЯНСКИЙ СВАДЕБНЫЙ СГОВОР

Картина неизвестного художника (масло), вторая половина XVIII в.
Исторический музей, Москва

Варение пива в доме невесты. Посещение невесты матерью жениха

День свадьбы назначается, смотря по тому, как невеста успеет приготовить приданое. С приближением этого дня как у жениха, так и у невесты начинаются приготовления к пированию, варят пиво и травник, покупают съестные припасы и обихаживают в домах. В доме невесты постановление в печь пива для варки сопровождается следующим вытьем девушек:

№ 54

Падкая моя, жалостливая,
Моя матушка родимая,
Свет Татьяна Васильевна!
Я что-то у тебя хочу спросить;

Я спрошу у тебя, надеючи,
 Ты скажи мне, меня жалеючи.
 Ты на что, родимая матушка,
 Ты варишь-то пиво пьяное?
 Ты на что куришь зелено вино?
 10 Суетишься да шибко стряпаешь?
 Ты какой ждешь больший праздничек?
 Али ждешь к себе дорогих гостей?
 Угостить хочешь свой род-племя,
 Что своих-то ближних сродников?
 Я сама-то знаю и ведаю,
 Во кручинушке догадалася:
 Уж ты ждешь к себе дорогих гостей,
 Ты моих-то ждешь разлучников!

За день до свадьбы или накануне ее мать жениха в сопровождении своих родственниц как замужних, так и девушек, которые, если сидят у невесты, нарочно для этого уходят оттуда, посещает свою будущую сноху. Собираясь сделать это посещение, она заблаговременно уведомляет родителей невесты о времени своего прихода, приглашает родственниц и стряпает два пирога: один для гостинцев невесте, а другой девушкам. Пироги эти начиняются, смотря по достатку, или изюмом, или малиной, или рыбою. Родственницы, отправляющиеся с матерью жениха, снарядившись по-праздничному и запасшись каждая большим пряником, собираются в дом жениха и оттуда с пирогами и пряниками идут в дом невесты, где между тем все уже приготовлено к их принятию.

Когда заметят в доме невесты, что гости приближаются, то родители ее и собранные на этот случай родственницы выходят за ворота ее встретить, а девушки начинают следующее вытье:

№ 55

Со синя моря Хвалынского
 Поднимались белы лебедушки,
 Высокошенько они воздымались,
 Да низешенько опускалися;
 Что сажидили белы лебедушки,
 Они на снеги, снеги белые,
 На суметы на глубокие.
 [Но] тут им снежно показалось,
 Да опять они воздымались,
 10 Того выше возвивалися,
 Того ниже опускалися,
 Сажидили белы лебедушки,
 Они к батюшку на широкий двор.
 Не атласы и не бархаты
 По широку двору расстилалися;
 Не скатный жемчуг сыплется
 По лесенкам частоступчатым,
 Не золот перстень катится
 По красному по крылечушку;
 20 Не ласточки, не касаточки
 Во новы сени залетели,
 Не от ветру, не от вихоря
 Избные дверечки отворилися,
 На пятау двери становилися,

На пятау двери да на хрустальную,
 Не гвоздьё, гвоздьё полуженое,
 Что не вербы, вербы золоты
 Во высок терем вклонялися,
 Становились вербы золоты
³⁰ Среди пола дубового
 Перед чудного Спаса образа,

(В это время гости входят в избу и молятся богу.)

Они крест кладут по-писаному,
 Поклоняются по-ученому
 Да на все четыре стороны:
 Моему батюшку и матушке,
 Моим кумушкам-подруженькам,
 Еще мне, молодой, на особицу.
 По чему гостей узнавать стану?
 По приходу ли тихосмирному?
⁴⁰ По платью ли по цветному?
 По крестам ли их по писанным?
 По поклонам ли по низеньким?

(Гости здороваются с невестой и отдают принесенные ей гостинцы, пироги и пряники, а она передает их одной из девушек.)

Слава, слава тебе господи,
 Опознала честных гостюшек!
 Еще первая честна гостюшка —
 Богоданная родима матушка,
 Свет Анна Михайловна;
 Как другая-то честна гостюшка —
 Богоданная родна сестрица,
⁵⁰ Свет Ольга Васильевна;
 Еще третья-то ... *(и так припевают всех гостей).*

Когда кончается это вытье, гости, по приглашению хозяев, садятся за стол, который бывает накрыт еще до их прихода. Садясь за стол, гости занимают места сообразно степени родства с женихом. Так, первое место принадлежит его родной матери, другое — крестной, третье — его сестрам и т. д.

Гостья, будучи посажена за стол на низшее, по ее мнению, место, почтет себя сильно оскорбленною. Последние места принадлежат родственницам невесты. Сами же хозяева за стол не садятся; их дело подавать кушанье и, кланяясь, просить гостюшек не брезговать их хлебом-солью и более кушать. Во время стола бывает следующее вытье:

№ 56

Падкая моя, жалостливая,
 Моя матушка родимая,
 Свет Настасья Васильевна!
 Ты сади, моя матушка,
 Ты сади дорогих гостей
 За столы белы дубовые,
 За скатерти шиты-бранья,
 За ествы сладки-сахарныя,
 За питья за медьяныя.
¹⁰ Уж ты потчуй, родима матушка,

Ты гусями их и лебедям,
 Еще серыми малыми утицам,
 Чтобы оне не огневались,
 Чтоб мне не было покорбища
 На чужой дальней сторонущке.
 Отпирай, родимая матушка,
 Золоты ларцы кованые,
 Вынимай из них дороги дары.
 Ты дари их, родимая матушка,
 20 Ты дари платочками алыми,
 Кисеями наборными.

После этого девушки поют гостям свадебные песни. В конце же стола невеста дарит свою будущую родню кисеею или холстом на рубашки, поднося эти подарки на тарелке, и каждая гостя, взяв из рук невесты тарелку с подарком и сняв с нее подарок, кладет на его место сколько-нибудь денег. Впрочем в подобных случаях матери женихов чаще откладывают за дары не деньги, а какую-нибудь вещь, например серьги, или что-нибудь подобное.

Вскоре по выходе из-за стола гости собираются домой, благодарят хозяев за угощение и начинают прощаться со своими новыми сватухами, сватьяшками, с последними целуясь (как это здесь принято у женщин и девушек при встрече и прощанье), также и с невестою. Это последнее прощание опять сопровождается вытьем:

№ 57

Вот идет-то, ко мне жалует
 Богоданная родима матушка,
 Свет Анна Ивановна!

(Невеста кланяется своей будущей свекрови в ноги.)

Я об чем-то тебе побью челом:
 Как я буду, родимая матушка,
 Во вашем во честном дому,
 Уж я буду, родимая матушка,
 Во твоей-то воле-большине:
 Поимей меня, родима матушка,
 10 Вместо дочери любезныя
 Свет Ольги Егоровны!
 Поучи меня, родима матушка,
 Ко уму-то меня, ко разуму:
 Я дитя была неученое,
 Я дитя была нестромленное;
 Не учил меня родимый батюшко,
 Не стромила родимая матушка!

По окончании этого вытья гости отправляются домой, провожаемые до ворот на улицу хозяевами, извиняющимися в своем худом угощении и просящими не осуждать их за это.

Баня в последний день перед свадьбою.

Обручение

В последний день перед свадьбою невеста, вместе с сидящими у ней на девичнике девушками, ходит в баню, которую истопить она просит сестру следующим вытьем:

№ 58

Сизая ты моя голубушка,
 Белая ты моя лебедушка,
 Ты сестренка моя родимая,
 Александра душа Григорьевна,
 Истопи-ка, моя голубушка,
 Истопи мне баню-парушу,
 Теплую, мыльную, да неугарную;
 Чтоб не смыть мне, не спарити
 Хорошей своей девьей красоты,
¹⁰ Не намыть бы, не напарити
 Мне злодейки кийки питыя.

Под именем «кийки питыя» здесь разумеется кокошник или повойник. Откуда взято это выражение — неизвестно; впрочем, Кийка есть имя женское, уничижительное от имени Евдокия.

В бане, после мытья и паренья, воют еще следующее:

№ 59

После моего-то бываньица,
 После девьего красованьица
 Ты рассыпся, баня-паруша,
 По единому по бревешечку,
 Ты рассыпся, мелка каменка,
 По единому камешечкику.

Вечером накануне свадьбы в доме невесты бывает пир, называемый обручением. Это почти то же, что и пропиванье, только здесь пируют гораздо более и больше бывает гостей.

Здесь также затепливают свечи, также бьют по рукам, пропивают невесту и бывает то же вытье. Если же невеста сирота и не имеет которого-нибудь из родителей или из ближайших родных, то пред началом пропиванья воют еще следующее:

№ 60

Падкая моч, жалостливая,
 Моя матушка родимая,
 Свет Марья Васильевна!
 Все ли, все ли во собраньице?
 Все ли дядюшки-тетушки?
 Все ли братцы, все ли сестрицы?
 Я сама про то знаю-ведаю,
 Во кручинушке догадалася:
 Нету-нету во собраньице
¹⁰ Да родимого батюшка,
 Свет Матвея Иваныча,
 А сегодня бы его надобно,—
 Ко сегодняшнему вечеру,
 Ко моему-то обручению.
 Я что-то у те хочу спросить,
 О чем-то, млада, я попечалуюсь,
 Я спрошу у тебя надеючи,
 Ты скажи мне, меня жалеючи.

По окончании рукобитья и пропиванья гости садятся по местам, и им поют свадебные песни. Потом садятся за стол, занимая места по степени родства, причем родня жениха занимает места выше родни невесты.

Стол бывает накрыт чистою белою скатертью; по краям его кладутся ложки и вилки и небольшие булки, разрезанные чрез центр на четыре части, и все это накрывается белыми полотенцами, которые гости, севши за стол, кладут себе на колени, чтобы не запачкать платья кушаньем.

Ужин почти обыкновенно составляют следующие *ествы*: пирог с рыбою, студень, коровий язык и окорок под хреном, щи молосные (скоромные), лапша со свининой, похлебка из курицы или утки, жаркое из телятины или баранины, из поросенка и гуся; потом следуют каравайцы, селянки и олады, и наконец ужин оканчивается сладким пирогом с малиною или с кышмышем. Во время ужина почти беспрестанно подносят гостям вино, пиво, травник и мед, с начала ужина до подания на стол гуся, вино и мед идут от жениха, а с этого времени до самого конца вечера от отца невесты. В конце ужина невеста дарит гостей — мужчин платками, женщин кисеею или холстом, а незамужних — ленточками в косу или тоже кисеею. Дары подносит не сама невеста, а кто-нибудь из ее родственниц, положив их на тарелку, а невеста в это время стоит на ногах и только просит даримого, если он отбивается от подарка, не спешившись и принять его. Девушки же тогда поют невесте следующую песню:

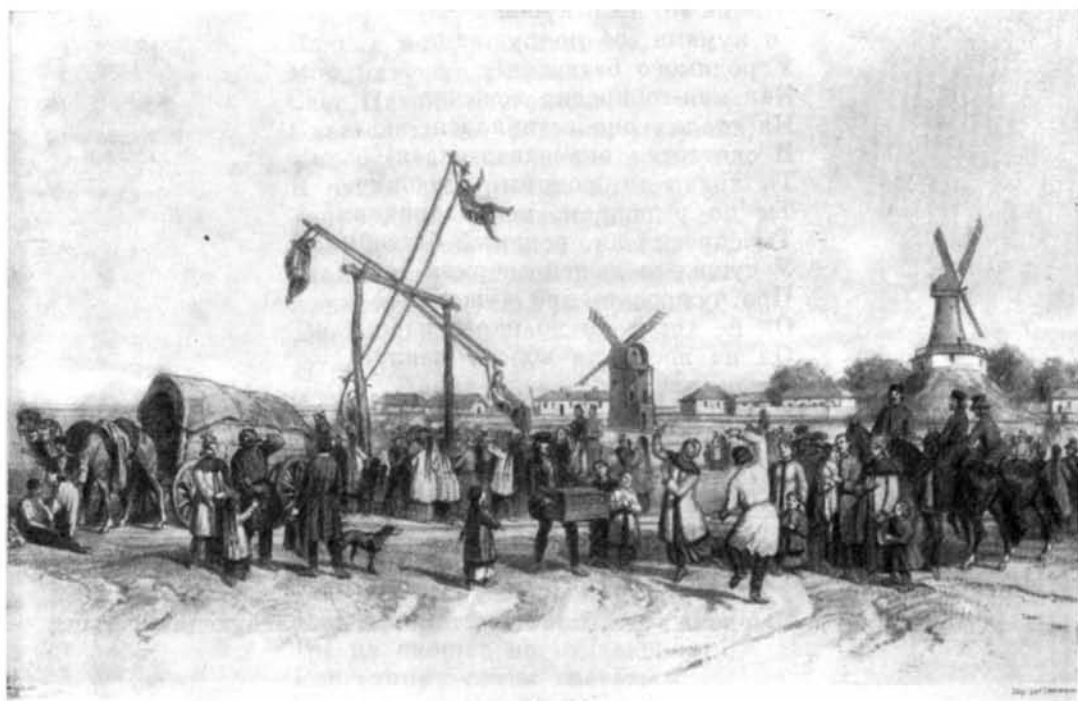
№ 61

Уж как на горе, горе,
 Да в полукосогоре,
 Тут стоял новый терем
 Со новыми сеням,
 Со красным крылечком,
 Со крутыми переходам.
 Как по тем же по сеням,
 Как по тем же по новым
 Тут ходила-гуляла
 10 Душа красна девица,
 Свет Анна Петровна;
 Она ходила-гуляла,
 Сундуки отворяла,
 Все дары вынимала,
 Ко дарам говорила:
 — Вы дары мои, дары,
 Вы дары дорогие!
 Я не год вас копила,
 Я не два сподобляла:
 20 Я копила дарочки
 Ровно * двадцать годочков,
 Раздарила дарочки
 Я единым часочком,
 Я единой минутой.

Обычай требует от принимающего дары отдарка. Жених обыкновенно отдаривает невесту куском ситца или какой-нибудь материи на сарафан, свекровь — платком, а прочие откладывают деньгами.

По окончании ужина столы убираются, гости садятся по лавкам, и начинается либо пение проголосных песен, либо пляска, особенно когда

* Сколько лет невесте. — Прим. Дала.

СЕЛЬСКИЙ ПРАЗДНИК

Литография с рисунка Ф. Фероглио, середина XIX в.

Музей изобразительных искусств, Москва

есть под рукою какой-нибудь музыкальный инструмент — бандура, балалайка или гармоника. Пляшут и вообще больше и буйнее веселятся мужчины, нежели женщины, оттого что первые пьют водку и пиво, а последние только мед и травник, а потому они больше занимаются между собою беседою о своих хозяйственных занятиях, пряже, пече, огородах и прочем, а чаще занимаются пересудами и сплетнями.

Наконец, далеко за полночь, жених, его родители и прочие гости расходятся по своим домам.

Когда все гости разойдутся, невеста вместе с девушками садится за стол в последний раз ужинать в доме своих родителей. После ужина, еще сидя за столом, начинается вытье, коим невеста выражает своему отцу благодарность за воспитание. Вытье это таково:

№ 62

Не осудите, мои голубушки,
 Меня на хлебе, на соли
 Да на серой малой утице:
 У нас некому за стрельбой ходить!
 Тебе покорно благодарствую,
 Мой родимый сударь-батюшко,
 Тебе — на хлебе, на соли,
 На серой малой утице,
 На премногих сладких кушаньях!

- ¹⁰ Отпила-то я, откушала
 Со кумами, со подружками
 У родимого батюшка!
 Как моя-то красна ложечка
 На столах она затерялася,
 В скатертях она завертелася!
 Ты ходил ли, родимый батюшко,
 Ты по рыночкам, по базаричкам?
 Ты спросил ли, родимый батюшко,
 У чужих-то людей добрых
- ²⁰ Про чужого-то про чуженина?
 Он не ходит ли во царев кабак?
 Он не носит ли золоту казну?
 Он не пьет ли зелено вино?
 Не прохаживает ли темны ноченьки?
 Не сидеть бы мне темной ноченьки
 И не лить бы мне горючи слезы.

Последнее утро невесты. Отданье девьей красоты

Последний день в доме родителей невеста начинает следующим вытьем:

№ 63

- Сизыя вы мои голубушки,
 Белыя вы мои лебедушки!
 Я что-то у вас хочу спросить:
 Вам спалась ли темна ноченька?
 Вам мягка ли была постелюшка?
 Вам круто ли было изголовьицо?
 Уж как мне-то, молодешенькой,
 Не спалась темна ноченька,
 Не мягка была постелюшка,
- ¹⁰ Не круто было изголовьицо,
 Не хороший мне сон привиделся:
 Как моя-то бы мягка постелюшка
 Она плавала по синю морю,
 Приплывала бы к круту бережку,
 И я хваталась бы и ловилася
 За кустички, за ракитовы,
 Я схватилась бы, молодешенька,
 За чужую дальню сторонущку!

После этого вытья невеста отдает свою девью красоту — оплакивает свое девство и разлуку с девическою жизнью. Она, надев на голову ленту, садится на лавку и начинает с девушками выть, как при расплетании косы (см. выше); привывает к матери, к сестрам и ко всем находящимся тут девушкам. Потом девушки снимают с нее ленту, расплетают ей косу и связывают распущенные волосы ленточкой. После этого невеста, надев снова ленту на голову, подходит к иконам, затепляет пред ними свечку и, сняв с волос ленточку, которою они связаны, весит ее чрез свечу на божницу, потом, положив пред иконами начал, отходит от них, садится на лавку и начинает выть:

№ 64

Падкая моя, жалостливая,
 Моя матушка родимая,
 Свет Наталья Алексеевна!
 Благослови-ко, родимая матушка,
 Мне отдать свою девью красоту.
 Я отдам свою девью красоту
 Запрестольной богородице,
 Я отдам свою девью красоту
 Своим кумушкам-подруженькам:
¹⁰ Александре душе Григорьевне,
 Да Матрене душе Егоровне.
(Привывает всем девушкам.)

Берегите, мои голубушки,
 Вы мою-то да девью красоту
 И от ветру ее и от вихорю,
 От бела снега от круписчата,
 От дыму да от кудрявого,
 Что от чаду да от зеленого!
 Еще вы, мои голубушки,
 На великих своих возрастах,
²⁰ Вы на скорых на отдаваньях;
 Вас станут сваты свататься,
 Женихи станут засылаться,—
 Не сдавайтесь, мои голубушки,
 Вы на сватовы слова ласковы:
 Уж как сватовы слова ласковы,
 Слова ласковы, да обманчивы!
 Я возьму свою девью красоту
 На свои ручки белыя,
 На перстни да злаченныя,
³⁰ Опушу свою девью красоту
 Ниже пояса шелкового;
 Я прижму свою девью красоту
 Ко своему ретиву сердцу!
 Пошла моя девья красота
 По высокому нову терему,
 Пошла она, воротилася,
 За меня, младу, сохватилася:
 — Ты прости, моя красна девица,
 Прости, умная-разумная,
⁴⁰ Прощай, вежлива-очестлива!

(При словах «я возьму свою девью красоту» невеста снимает с головы ленту, опускает ее ниже пояса и потом прижимает к груди, далее, поставя на пол, потихоньку отодвигает ее от себя, потом опять придвигает к себе, берет ее с полу, поднимает выше головы и снова ставит ее на пол. Это повторяется четыре раза, когда воют, что красота пошла по терему, по сеням, по крыльцу и на улицу.)

Воздыму свою девью красоту
 Выше плеч, своей буйной головы,
 Пошла моя девья красота
 По новым сеням решетчатым;
 Пошла она, воротилася,

За меня, младу, сохватилася:
 — Ты прости, моя красна девица,
 Прости, умная-разумная,
 Прощай, вежлива-очестлива!
⁵⁰ Пошла моя девья красота
 По красну по крылечушку;
 Пошла она, воротилася,
 За меня, младу, сохватилася:
 — Ты прости, моя красна девица,
 Прости, умная-разумная,
 Прощай, вежлива-очестлива!
 Пошла моя девья красота
 На широкую на улочку,
 Да еще она воротилася,
⁶⁰ Под окошечком колотилася:
 — Ты прости, моя красна девица,
 Прости, умная-разумная,
 Прощай, вежлива-очестлива!
 Нам век с тобой не видатися,
 Нам на встрече с тобой не встретиться,
 Во божьей церкви не увидеться!
 Пошла моя девья красота
 По широкой по улочке,
 По раскатней по дороженьке;
⁷⁰ В встречу, в встречу девьей красоте
 Злодейка кийка питая.
 Она спор держит с девьей красотой:
 — Остыжу тебя, девья красота,
 Во матушке во божьей церкви,
 При попах тебя, при дяконах!
 Сизыя вы мои голубушки,
 Белыя вы мои лебедушки!
 Посмотрите, мои голубушки,
 За моей-то девьей красотой:
⁸⁰ Куда сядет девья красота,
 Куда сядет-опоместится.
 Буде сядет девья красота
 На горькую на осинушку,—
 Ей житье будет горе-горькое;
 Буде сядет девья красота
 На белую на березоньку,—
 Ей житье будет по-среднему;
 Буде сядет девья красота
 На яблонь на кудрявую,—
⁹⁰ Ей житье будет красованье.

По окончании вытья свечка пред иконами гасится, но ленточка остается на божнице; ее увозят свахи со свадьбой в церковь, где и оставляют на закладки в книги!

Впрочем красоту отдают только невесты безукоризненного поведения: невеста же, у которой на совести есть какие-нибудь пятна, не посмеет отдавать красоты богородице. Она в то время притворится так жалеющею о своей девической жизни, так встревоженною предстоящею переменою своего положения, и так расплачется о разлуке с родителями, что будто она от горя вовсе уж не может выполнить этого обряда. Иногда эту роль

принимает на себя сама мать невесты, притворившись до такой степени расстроенною разлукою с дочерью и все смешавши своими воплями, вырывает дочь из такого неловкого положения.

Отдавши красоту, невеста, если она сирота, воет еще следующее:

№ 65

Сизыя вы мои голубушки,
Белыя вы мои лебедушки!
Уж вы садьте, мои голубушки,
На дубовую лавочку,
Под кутнее под окошечко;
Посмотрите, мои голубушки,
По раскатистой по дороженьке
На матушку на круту гору:
Что не идет ли родимый батюшко
¹⁰ Со матушки со крутой горы,
Не несет ли родимый батюшко
Во левой руке цветна платица,
Во правой руке Спаса образа,
Во устах-то благословеньца?

Свадебный поезд жениха. Лица, его составляющие.

Отъезд дружек к невесте. Благословение жениха.

Отъезд его за невестою

Еще прежде дня свадьбы родители жениха решают, с общего с ним согласия, кому из родных участвовать в его поезде, и просят их принять на себя нетрудные обязанности поезжан, хотя отказы в подобных случаях случаются редко, потому что участвовать в поезде считается большою честью, и нередко неприглашение в поезд какого-нибудь честолюбивого родственника и замещение его другим, имеющим, по мнению первого, меньшее право быть поезжанином, бывают между родными причиною непримиримой вражды, особенно между женщинами.

Поезд составляют: тысяцкий — самое почетное лицо в поезде; за ним следуют большие бояре, княжие свахи, поезжане, каждых по два или по три человека. Тысяцким бывает крестный отец или старший брат жениха, а большими боярами — старшие братья жениха или его дяди; княжими свахами — крестная мать жениха или жена крестного отца и старшие сестры жениха или жены его братьев; поезжанами или подружьями — женатые, а дружками холостые родные или сродные братья жениха.

В день свадьбы все родственники жениха собираются к нему в дом, где некоторые из них разделяют с хозяевами хлопоты приготовления к свадьбе. Когда все приготовления придут к концу, тогда от жениха посылают к невесте дружек известить ее, что жених готов ехать к венцу.

Дружки возят от жениха к невесте подарки: мыло, гребень, зеркало, чулки и башмаки, значение которых — показать невесте, что она должна собираться в дорогу.

По возвращении дружек от невесты отец, а потом мать благословляют иконой сына, который им кланяется в ноги. Икону эту отдают большим боярам довести с собой в церковь. Если у жениха нет родных отца или матери, то их обязанности исправляют старшие родственники, отец и мать посаженные. После благословения все присутствующие, как поезжане, так и прочие, садятся на короткое время на лавки, а потом, вставши и помолясь богу, с благословениями и добрыми пожеланиями сопутствующих отправляется поезд за невестою. В поезде наперед идут дружки, за ними жених с тысяцким, потом большие бояре, свахи и поселяне.

Приезд дружек к невесте. Благословение невесты.

Приезд жениха в дом невесты. Отъезд свадьбы
в церковь. Старинное вытье. Приданое невесты

Между тем как в доме жениха хлопочут, приготавливаясь к поезду, и в доме невесты не сидят сложа руки. Там тоже суетятся, снаряжая невесту квенцу и укладывая в сундук ее приданое. Суетливость эта еще более увеличивается с приездом дружек. Лишь только увидят, что дружки едут, начинают выть:

№ 66

Приутихните, гуси, на море,
Приумолкните, гости, в тереме,
Дайте-дайте расслушати,
Кто-то стучается-колотится
Под моим кутним окошечком.
Ой вы дружки, дружки храбрые!
Ты не хробоско, дружка, стучайся,
Ты не громко, дружка, говори:
Со твоего-то, дружка, голосу
¹⁰ Потряслася мать-сыра земля;
Со твоего-то, дружка, голосу
У моего родимого батюшка
Попатался нов высок терем;
Со твоего-то, дружка, голосу
У родимой моей матушки
Во буйной ее головушке
Помешался ум со разумом;
У меня ли, молодешеньки,
Опустились ручки белыя,
²⁰ Подогнулись ножки резвыя!

Дружки, вошедши в избу, подают невесте подарки, приговаривая, что такой-то, дескать, приказал ей поклониться, и сообщают ее родителям о том, что у жениха все уже готово к поезду. Девушки, окончив вытье, поют дружкам по свадебной песне и прикладывают им на грудь по кустику (бантик) из какой-нибудь шелковой ленточки.

Отложив девушкам за песни и кустики деньги, дружки, гордясь своими кустиками, уезжают к жениху с вестью о том, скоро ли невеста будет готова ехать к венцу.

В прежнее время по отъезде девушек еще были следующее:

№ 67

Пала-пала с неба звездочка;
Перепала ко мне весточка
От чужого-то от чуженина.
Хочет-хочет чужой чуженин
Грабежом ограбить родимого батюшка,
А меня, младу, во полон взять.

Но ныне вытье это оставлено.

Когда после дружек невесту совсем снарядят, начинают выть:

№ 68

Уж вы, ножки, ножки резвые,
 Вы идите — не подогнитесь!
 Уж вы, очи, очи ясные,
 Вы смотрите — не прослезитесь!
 Дайте-дайте узнать-усмотреть
 Мне родимого батюшка,
 Свет Ивана Григорьича,
 Попросите его благословеньца!
 Благослови-ко, родимый батюшко,
¹⁰ На чужую дальню сторонущку
 Великим своим благословеньцем,
 От желанья ретива сердца!
 Как твое-то благословеньцо
 Великая оборонушка
 На чужой дальней сторонущке:
 Изо дна-то моря оно вынесет,
 Изо дна-то моря Хвалынского,
 Из-под крутого бережечика,
 Из-под серого камешечика!

Потом это же самое воют матери, только обращение начинается словами: «падкая моя, жалостливая моя, моя матушка родимая!» После вытья невеста кланяется отцу своему и матери в ноги, и они благословляют ее иконою.

После благословения невеста воет еще к братьям:

№ 69

Уж ты гой еси, млад ясен сокол!
 Ты родимый мой братец миленький,
 Свет Григорий Васильевич!
 Проводи меня, братец миленький,
 На чужую дальню сторонущку;
 Отопчи мне, братец миленький,
 Уж ты место мне, местечко,
 Чтобы кровелька не прокапала;
 Чтобы жить бы мене — не проплакати!

Когда поезд жениха будет уже близко от дома невесты, начинают опять следующее вытье:

№ 70

Что не пыль в поле запылелася,
 Что не чернь в поле зачернелася,
 Что не синь в поле засинелася,
 Что не аль в поле заалелася,—
 Запылелася путь-дороженька,
 Зачернелися кони вороны,
 Засинелися князья бояре,
 Заалелися свахи княжии.
 Заливалася вода вешняя
¹⁰ Ко батюшку во широкий двор,
 Ко матушке во высок терем,

Ко мне, молодой, за занавесу,
 Потопляла вода вешняя
 Со кумами меня, со подружками,
 Со душами красными девицам!

В избу идут наперед дружки, расчищая жениху и поезжанам дорогу между любопытными соседками, которые в это время сбегаются в дом невесты со всей улицы посмотреть, не случится ли чего такого, о чем бы им после можно было и посудить и порядить между собою. За дружками следуют тысяцкий с женихом, свахи и другие поезжане; все они, кроме дружек, заходят за накрытый в переднем углу стол, на котором бывает поставлен пирог. Невеста в это время — за занавесою перед печью, вместе с девушками. К ней входят туда княжие свахи, расплетают ей косу и надевают на голову платок, подвязав его под горлышко, и в этом виде отец невесты выводит ее из занавесы и подводит к жениху. Девушки же между тем воют:

№ 71

Ой вы свахи, свахи княжия!
 Не давно вы, свахи, приехали,
 Скоро, свашеньки, опозналися,
 За русу косу принималися.
 Во моей-то во русой косе
 Есть два ножичка булатные,
 Да две сабельки острые:
 Вы обрежете ручки белыя,
 Замажете платье цветное,
¹⁰ А у вас платье-то прошеное,
 Что прошеное, кортомленое!
 Падкая моя, жалостливая,
 Моя матушка родимая,
 Свет Анна душа Ивановна!
 Подойди-ко, родимая матушка,
 Ко мне в куть за занавесу,
 Уж ты вскрой-ко, родимая матушка,
 Слезенное с меня полотенечко;
 Посмотри-ко, родимая матушка,
²⁰ На мою-то трубчатую косу:
 Расплели мою трубчатую косу,
 Расчесали русые волосы,
 На роду-то хотя не впервые,
 Девьей красоте во последняя.
 Ты прости, мое место-местичко,
 Прости, кутнее окошечко!
 Я любила тебя, место-местичко,
 Я по будням тебя, по праздничкам,
 По частым светлым воскресеньицам.

Впрочем вытье это бывает не всегда или, если бывает, то редко оканчивается, потому что торопятся поскорее отправить свадьбу в церковь.

Когда подведут невесту к жениху, то поезжане выходят из-за стола, и тысяцкий просит родителей невесты благословить ее и жениха, и те благословляют их тою же иконою, которою прежде уже благословляли невесту. Икону эту отдают большим боярам, которые ее, вместе с иконою из дома жениха, возят с собою в церковь. После благословения, помолившись богу, поезд, увеличенный двумя свахами от невесты, отправляется в церковь.

Невеста садится вместе с женихом и тысяцким; все девушки, сидевшие на девичнике, провожают в церковь, где остаются до того времени, пока на невесту не наденут венец; а тогда они уезжают из церкви в дом невесты и оттуда расходятся по своим домам.

В прежнее время при отдаче невесты из дома родительского было более вытья и обычаев, которые ныне вышли из употребления и которые сохраняются только в памяти старух. Так, например, прежде невесту приводил из кути за стол к жениху не отец, но две девушки, и невеста, прежде чем подойдет к жениху, молилась богу, кланяясь в землю, при следующем вытье девушек:

№ 72

Расступитесь, князья-бояре,
 Что на все четыре стороны,
 Дайте-дайте узреть-усмотреть
 Мне пресвятую богородицу!
 Я первый-то поклон положу
 Я за батюшка за родимого,
 Я другой-то поклон положу
 За родимую свою матушку,
 Я третий-то поклон положу
¹⁰ За себя, молодешеньку,
 Слезенной поклон положу
 За хорошую девью красоту!

Так прежде еще выли, когда жених выводил невесту из избы!

№ 73

Уж вы сени, сени новья,
 Сени новья, решетчатые!
 Я не долго по вам ходила,
 Много-много я потеряла:
 Потеряла я, молодешенька,
 Хорошу свою девью красоту.
 Отпусти-ко, чужой чуженин,
 Ты мою-то ручку белую,
 Не води-ко меня, чуженин,
¹⁰ Ко своему ко добру коню:
 Я не знаю, молодешенька,
 У твоего у добра коня
 Ни обычая, ни норова.

Когда свадьба выезжала из двора:

№ 74

После моего-то бываньица,
 После девьего красованьица
 У родимого батюшка,—
 Во его широком дворе
 Вырастай-ко, част ракивов куст,
 Со яблонью со кудрявою!
 Солетайтесь, птицы певчия,
 Дайте-дайте назолушку
 Моему родимому батюшку!

Выли дорогою:

№ 75

Отставала лебедь белая,
Она от стада белых лебедушек,
Приставала лебедь белая
Ко стаду ко серым гусям;
Не щиплите, гуси серыя,
Нашу белую лебедушку:
Наша белая лебедушка
Не кричит-то да по-гусиному,
Говорит она по-лебединому.

И наконец еще выли, подъезжая к церкви:

№ 76

Ты постой-постой, лошадь-добрый конь!
Дайте-дайте мне проститися
Со кумами да со подружками,
Со душами красными девицам!
Сизыя вы мои голубушки,
Белыя вы мои лебедушки,
Мои кумушки-подруженьки!
Вы скажите, мои голубушки,
Моему родимому батюшку,
¹⁰ Не искал бы меня батюшко
Во тереме за занавесой,
Во кумушках, во подруженьках,
Что искал бы меня батюшко
Во матушке во божьей церкви,
Откупал бы меня батюшко
От попов меня и от дьяконов!

По отъезде свадьбы из дома невесты в церковь двое невестиних родственников, называемых в этом случае поезжанами, отвозят в дом жениха ее приданое, которое обыкновенно составляют: платье невесты, постелья (перина или войлок с подушками, одеялом и занавесом), холсты, столовое белье (скатерти и полотенцы), рубахи и исподнее платье для мужа.

Возвращение свадьбы из церкви. Окрученье молодых.

Ужин. Подклет. Баня. Большой и пирожный столы.

Хлебины

По возвращении свадьбы из церкви родители жениха встречают молодых с хлебом и солью и благословляют их тою же иконою, которою уже благословляли жениха ехать к венцу. Потом княжие свахи молодую окручивают, то есть заплетают ей две косы и надевают на голову косынку или платок, как обыкновенно носят здесь женщины. После окрученья молодых и поезжан приглашают за стол и угощают ужином, после которого поезжане, кроме дружек, расходятся по своим домам, а дружки остаются в отдельной избе молодым постелю, и они ложатся спать. Во время сна их дружки топят баню, в которую молодые, вставши с постели, ходят мыться. Дружки запирают у бани двери и не выпускают из нее молодых, пока молода не подарит им по платку.

На другой день дружки приглашают всю старую и новую родню к молодым к обеду, на так называемый большой стол, а по вечеру на пирожный. Во время большого стола молодая дарит свекровь и свекора рубахами, деверьев платками, а золовок холстом или полотенцами.

Все свадебные череды заключаются хлебниками, или пирушкой родственников той и другой стороны в доме тестя, где за столом последним блюдом бывают блины, при постановлении коих на стол молодой зять дарит тестя сапогами, а тещу башмаками.

«ПЕСНЯ ПУГАЧЕВСКОГО ЦИКЛА»*

ЛБ, ф. 125, ед. хр. 53, лл. 2133 об.— 2134 (в тетради, переданной Киреевскому Далем). В рукописи текст песни густо зачеркнут, в ряде строчек дважды (продольной полосой и зигзагообразной), теми же чернилами, которыми написана вся рукопись. Вследствие этого песня оставалась непрочитанной более ста лет. Нам этот текст удалось прочесть полностью. Кто и почему зачеркнул песню — неизвестно. Возможно, что это сделал переписчик, которому не понравилось ее содержание, а возможно по каким-то соображениям сам Даль.

Песня пугачевского цикла о волнении на Яике в 1771—1772 гг. и убийстве генерала Траубенберга (А. Н. Лозанова. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.— Л., «Academia», 1935, стр. 382; в дальнейшем: Лозанова).

Впервые песня стала известна по обрывочной записи Пушкина (см. настоящ. том, № 5). В 1833 г., начав работать над «Историей Пугачева», Пушкин едет по местам, связанным с крестьянским движением и именами Разина и Пугачева. Он посещает Казань, Симбирск, Оренбург. В Оренбурге Пушкина встречает Даль, который знакомит его с достопримечательностями города и уезда, в частности везет его в станицу Берды, «бывшую столицу Пугача». В воспоминаниях о Пушкине Даль писал: «...мы отыскили старуху, которая знала, видела и помнила Пугачева. Пушкин разговаривал с нею целое утро; ему указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец, где разбойник казнил несколько верных долгу своему сынов отечества; указали на гребни, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача <...> Старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец» (Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 416—417).

Все увиденное и услышанное Пушкиным в станице произвело на него неизгладимое впечатление. 2 октября 1833 г. он писал жене: «В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я une bonne fortune** — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал, виноват: и про тебя не подумал» (Пушкин, т. XV, стр. 83). Возможно, что Даль в это же время сделал записи кое-каких песен, в том числе публикуемой.

Через 25 лет, в 1858 г., вар. этой песни записал И. И. Железнов от старого казака Ивана Михайловича Бакирова. Характерно, что Бакиров сослался на нее как на неоспоримый авторитетный источник в споре с Железновым о дате «прихода царя Петра III» на Яик. «Как же так? — говорил с недоумением старик. — Ведь насчет него и песня есть. И, не дождавшись моей просьбы, — вспоминает Железнов, — Иван Михайлович тотчас же запел:

Того месяца сентября,
Двадцать пятого числа
В семьдесят первым году
Во Яике-городу...

Последними он спел строчки:

Когда вора поймаю,
Похвалу себе получим...

Дальше запамätовал, — сказал Иван Михайлович, кончив пение, — да и с молодую-то я не любил петь ее: солдатска она! Солдаты же, чтоб их драло, — прибавил расказчик, — солдаты же, знамо, и приплели тут:

Донского казака
Емельяна Пугача!

* Комментарий к этой песне принадлежит Г. Г. Шаповаловой; к «Свадебным обрядам» — Н. П. Колпаковой.

** удачу (франц.).

А по-нашему, — продолжал старик, — по-нашему, он был не Пугач, а настоящий Петр Федорович!» (Лозанова, стр. 257—258). Как предполагает А. Н. Лозанова, песня была сложена в «старшинской партии» яицких казаков, т. е. тех, кто стоял за подчинение требованиям правительства (стр. 382). Последнее же в 20-е годы XVIII в. все больше начало вмешиваться во внутренние дела казаков. Между «войсковой стороной» казаков и «старшинской» вспыхивают конфликты, для разбора которых правительство присылает комиссии. Наконец, незадолго до пугачевщины, правительство решило составить московский легион, как новое отборное войско, в которое должны были войти и яицкие казаки (там же). Это еще больше усилило волнение среди казаков, в Петербург было отправлено прошение об оставлении казачества на месте. Все эти события и нашли отклик в песне.

И несмотря на то, что автор песни не одобряет яицких казаков-бунтовщиков, прямо называя их «дураками» и «изменщиками», он не может устоять перед величием и силой Пугачева, пиетет перед ним оказывается выше. Даже в глазах «старшинского казачества» Емельян Пугач — богатырь, обладающий сверхчеловеческой волшебной силой, от голоса которого «закачались круты горы, затряслась мать-сыра земля, побежала рыба в глуби...» и т. д. Пугачев представлен лицом, обладающим верховной властью, что давало ему возможность снисходительно-критически оценивать поступки генерала, посланного Екатериной II для его же, Пугачева, поимки: «Сказать тебе, боярин, что ты храбро поступил...», — говорит он в песне генералу, призывавшему солдат-драгунов «свинцу-пороху не жалеть».

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ В ГОРНЫХ ЗАВОДАХ (УРАЛА)

ГИМ, ф. 56, п. 119-а. Тетрадь с песнями, написанными неизвестной рукой. Каждый цикл песен в рукописи имеет свою нумерацию. Мы для удобства пользования даем единую нумерацию всех песен.

〈Вступление〉. Суксунский завод — крупнейший железоделательный завод, основанный Демидовым в Красноуфимском у. Пермской губ.

№ 1. Причет невесты на рукобיתье. Как у всякого причета-импровизации здесь и у последующих причетов (№ 2—11) точная библиография указана быть не может.

№ 2—11. Причеты невесты на предсвадебной неделе с традиционным содержанием. № 2. Интересно указание об исполнении этого причета «по утру» (как в последующих причетах — «в полдень», «под вечер» и пр.): обычно прикрепления причетов к отдельным моментам суток исполнители не указывают, называя только место данного причета в общем ходе обряда («на рукобיתье», «на девешнике» и т. п.). № 4. Причет с поэтическими образами (пролетающий сокол предсказывает невесте счастье на чужбине, пролетающая лебедь, наоборот, предостерегает ее от чужой стороны), которые приближают данный текст по композиции и поэтике к лирическим-свадебным песням. № 5. В этом причете с традиционным содержанием — жалобами невесты на отца — своеобразно сопоставление девушки, не смеющей преступить волю родителей, с заключенными «потюремничками». № 10. Подобные причеты обычно относятся к старшим замужним сестрам, теткам и т. п. и нередко превращаются в причеты-диалоги между невестой и гостьей, которая описывает в безрадостных тонах уже знакомую ей замужнюю жизнь на чужбине. № 11. Причет, обращенный к подругам.

№ 12. Величальная свадебная песня жениху и невесте, представляющая собой как бы контаминацию нескольких песенных сюжетов (ст. 1—10, 11—24, 25—54), соединенных вместе без обобщающего сюжетного стержня. Второй по порядку сюжетный мотив (ст. 11—24) — широко известная величальная песня жениху, записанная во многих областях (НС № 284, 333, 435, 440, 765, 794; Шейн, в. 1, № 1503, 1916; Соб., т. II, № 604). Перед этой песней в рукописи поставлена звездочка и сбоку приписано: «Песни свадебные написать после, в конце» и выше: «Эти песни написать в конце статьи». Очевидно, эти замечания относятся к песням № 12—17, связанным с данным обрядовым моментом.

№ 13. Свадебная песня, исполняемая обычно при приезде жениха к невесте на рукобיתье и обручение. Известна по записям из разных районов. Вар.: НС № 567.

№ 14. Свадебная песня, обращенная к невесте от лица матери. Вар. со сходными образами и содержанием, но с несколько иным эмоциональным характером — см. Песни Поволжья, № 77. Особенностью данной записи является предваряющее ее примечание собирателя о том, что песня поется невесте-сироте, потерявшей отца.

№ 15—16. Лирические-свадебные, обращенные к невесте от лица подруг. № 15. По образам и композиции типична для свадебной лирики, но редкая. В основных песенных сборниках близких вар. не встречается. № 16. Известна во многих близких вар. (НС № 119, 236, 327, 659, 737).

№ 17. Лирическая-свадебная, представляющая собой контаминацию двух самостоятельных свадебных песен, известных порознь по многим записям и публикациям (НС № 5, 129). Любопытно, что данная контаминация очень органично соединяет оба текста и наводит на предположение — не был ли весь этот текст когда-то действительно единой стройной песней и не является ли распадение его на две самостоятельные

песни уже позднейшим образованием. В конце текста примечание: «Есть еще песни ниже вдовьих, их написать здесь же». Очевидно, речь идет о тех величальных свадебных песнях, которые пелись на свадебном пиру холостым парням, девушкам и другим гостям.

№ 18—26. Величальные-свадебные женатой паре гостей на пиру. № 18. Основная тема — просьба мужа к жене родить сына-сокола и лебедь-дочь и намерение вырастить их грамотными и учеными — традиционна для величальных песен, обращаемых к данной категории гостей; особенно разрабатывается она в известной песне «Во горнице во новой», имеющей множество вар. Основная библиогр.: Песни Печоры, № 295. Публикуемый текст является редким и своеобразным по сочетанию образов. Близкие вар. в основных печатных сборниках не найдены. № 19. Построена на традиционных символических образах и сопоставлениях (любящая пара — голубь и голубка), но в целом текст своеобразен и редок. № 20. Известна в близких вар. по многим записям и публикациям (Песни Поволжья, № 85). № 21. Основное содержание в вар. известно по ряду записей и публикаций (НС № 52, 900; Истомин — Дютш, № 14, и др.). Данный текст оригинален образом своего зачина (два первых ст.), которым обычно начинается другая свадебная песня, рассказывающая о предсвадебной тоске невесты («Жарко в тереме свеча горит», «Ясно в тереме свечи горят» и т. п.). № 22. Своеобразная контаминация известной величальной песни «Летал голубь, летал сиз с голубушкой» (библиогр. и вар.: Песни Поволжья, № 75; Песни Печоры, № 81) с отдельными образами песни «Во горнице во новой». В таком сочетании и с данным зачином песня в других записях и публикациях не встречается. № 23. Редкая. Зачин перекликается с другой свадебной песней «Белокаменные палаты грановиты», бытующей в северных районах, посвященной невесте и изображающей пышный свадебный пир, на котором ее величают. Центральная тема — рождение сына, проходящая в данном тексте, характерна для песен-величаний свадебной паре. № 24. Очень своеобразна и редка. Обычный текст с этим зачином — жена будит мужа известием о том, что конь потоптал их ягодный сад, муж успокаивает ее надеждами восстановить все испорченное. В данном тексте тема семейная уступает место теме общественной — изображается военный поход, высказываются надежды на царскую награду. Близких вар. в основных печатных сборниках не найдено. № 25. Более обычен вар., посвященный жениху и невесте (или новобрачным) без упоминания о детях. В данном тексте последние 7 ст. очень близки к тексту песни «Во горнице во новой» (см. выше, прим. к № 18). № 26. В близких вар. известна по ряду записей и публикаций (НС № 84, 348; Шейн, в. 1, № 1618).

№ 27. Величальная женатому гостю на пиру. В вар. с несколько иной концовкой известна по записям и публикациям в ряде изданий. Вар.: Соб., т. IV, № 99. Данный текст любопытен упоминанием о заводах Демидова, придающем песне особый локальный колорит.

№ 28—32. Величальные-свадебные женатой паре гостей на пиру. № 28. Зачин (первые 8 ст.) в других записях имеет иное продолжение (описание солдатского похода). Данный текст может считаться оригинальным и редким. № 29. Текст интересен по образам (подарок царицы — три города, в которых по-разному готовились к крестинам сына, родившегося у величаемой пары, описание крестин). Близких вар. в основных печатных сборниках не найдено. № 30. Вар. песни «Во горнице во новой» (см. выше). Близкий текст: НС № 268. *Люстрин* — шерстяная ткань с блеском; *флер* — шелковая ткань. № 31. Образ жены (невесты), вышивающей для мужа (жениха) всю ночь ковер или узду его коню, традиционен в свадебной лирике, но в целом данный текст является редким и в основных печатных сборниках не встречается. № 32. Центральная тема (просьба мужа к жене родить сына) традиционна; обычно при этом высказываются пожелания видеть сына грамотным, ученым, счастливым женатым, иногда — купцом; в данном тексте интересны образы городского и полковника как идеалы для судьбы будущего сына и особенно — образ приказчика при заводе, подчеркивающий локальный характер песни. При наличии ряда традиционных образов текст в целом своеобразен и малоизвестен.

№ 33—46. Величальные-свадебные холостому гостю на пиру. № 33. Своеобразный вар. известной игровой песни «Вдоль по морю, морю синему», из которой взяты только радостные образы взаимной любви молодца и девушки и опущены обычные угрозы молодца и т. п. В основных печатных сборниках текст в подобном вар. не встречается. Разночтения в отчестве молодца («Иваныч» — «Михайлыч»), очевидно, допущены по ошибке исполнителя или собирателя. № 34. Известна по многим записям и публикациям. Вар.: НС № 356, 430, 593, 756, 757. № 35. Образы традиционные (молодец — воин, девушка — половник; жених не согласен на выкуп девушки из плена), но в данном сочетании создается текст, не встречающийся в основных печатных сборниках. № 36. Вар. известной песни, часто исполняемой в честь жениха на рукобитье, просватанье и в другие моменты предсвадебной недели. Близкий тип — НС № 267. № 37. В печатных сборниках встречается сравнительно редко и в далеких вар. (например, сб. «Крестьянское искусство СССР. 2. Искусство Севера». Л., «Academia», 1928, стр. 151, «У ворот было на улице»). № 38. Редкая, построенная на традиционных фольклорных образах, но в основных печатных сборниках в таком вар. не встречается. Интерес-

на упоминанием о П. Г. Демидове, подарившем молодцу шубу. Демидов выступает тут вместо традиционных дарителей — родителей, царя и пр. № 39. Редкая. Известен далекий вар. (игра девушки с молодцем в шахматы, проигрывание девичьей косы и молодечкой воли). Данный текст интересен более новыми образами (игра в карты, молодец проигрывает «карманные часы со цепочкой серебреную»). В основных печатных сборниках песня в таком вар. не встречается. № 40—41. Основные образы традиционны, но в целом текст малоизвестен. № 42. Зачин (расчесывание молодцем кудрей перед зеркалом) традиционен для величаний холостому парню или жениху, но вторая половина текста своеобразна, и в целом песня малоизвестна. № 43. Типичен свадебный величальный мотив — переход парня и девушки через речку. Имеется много вар. в записях и публикациях (НС № 1, 57, 81, 367, 618, 754, 779, 981; Песни Поволжья, № 132, и мн. др.). № 44. Характерны величально-свадебные образы (рождение молодца в счастливый день, красота его, намерение невесты чесать его кудри, убирать их жемчугом), но в целом текст редкий и малоизвестный. № 45. Образы традиционны для свадебных величаний; интересна локальная деталь — «Суксун завод с-контороку», который молодец желает получить в приданое за невестой и образ «мальчишки-разувальщичка», взятый, очевидно, из быта заводских хозяев. Текст редкий. № 46. Тема молодца-победителя, добывающегося невесты, традиционна и типична для свадебной лирики, но очень интересны лирико-эпические образы, обычно в свадебных песнях не встречающиеся: девида спасается от молодца путем оборотничества, превращаясь в траву, в рыбу. Текст редкий.

№ 47—48. Величальные-свадебные девушке-гостье на пиру. № 47. Традиционна по образам (красота девушки — белизна, румянец и пр., коса, которую убирают родные и по которой страдает молодец); но в целом текст малоизвестный. № 48. Текст полон традиционных фольклорных свадебных образов (встреча с молодцем, поездка в Казань-город за подарками, пути через поля, броды и пр.), но — редкий, вар. имеет мало (НС № 310).

№ 49. Величальная-свадебная вдовым на пиру. Вар. встречаются редко (только среди песен северных районов и обычно с несколькими иными образами: НС № 21).

№ 50. Величальная-свадебная на пиру. Символические образы любящей пары — утки и селезня — традиционны, и под текстом имеется пометка: «Ж» и «Н», что очевидно должно обозначать «Жениху» и «Невесте». Но сама песня противоречит такому толкованию и скорее напоминает величание вдовым (утка остается без селезня, величаемая женщина — без мужа). Текст редкий.

№ 51. Величальная-свадебная жениху или невесте-сиротам. Очень широко распространена по различным областям, известна по многим записям и публикациям. Библиогр. и вар.: Песни Печоры, № 292. Данный текст интересен ст. 6—8 и 16—18, в других вар. обычно не встречающимися. В рукописи обозначена № 4, а не 3. Листы не вырваны, так что пропуск № 3, очевидно, случайная ошибка собирателя, или же собиратель намеревался дать какой-то иной порядок песен, не сохранившийся в рукописи.

№ 52. Величальная-свадебная, обычно исполняемая жениху и невесте. Текст известен по многим записям и публикациям. Библиогр. и вар.: Песни Пинежья, № 121.

№ 53. Величальная-свадебная невесте. Чаше встречается с зачином «Отставала лебедушка». Очень широко распространена и известна во многих записях и публикациях. Библиогр.: Песни Пинежья, № 76.

№ 54—60, 62—74 и 76. Причеты-импровизации, построенные на традиционных образах, характерных для этого фольклорного жанра, разрабатывающие традиционную тематику предсвадебной недели. Близких текстовых совпадений в печатных сборниках не найдено.

№ 61. Лирическая-свадебная песня, широко известная, исполняемая обычно при одарении невестой на обручении всех гостей. Вар.: НС № 88, 337; III е й н, в. 1, № 1523 и др.

№ 63. Причет невесты утром в день свадьбы, обращенный к подругам, с рассказом об ее вешем сне. Тема сна своеобразна и обычно в других причитаниях невесты не встречается.

№ 70. Причет невесты при встрече жениха перед венцом. Известен текст лирической-свадебной песни с этими же образами и содержанием, записанный в Архангельской обл. (ИРЛИ, Р. V, колл. 216, № 3349).

№ 71—74. Причеты невесты при отъезде из родного дома.

№ 75. Фрагмент очень известной свадебной песни о лебеди, обиженной гусями (см. выше № 53), использованный в данном обряде в качестве причета подруг невесты («выли» дорогой) при отъезде невесты в церковь.

№ 76. Последний причет невесты, исполнявшийся при приближении к церкви.